

Татьяна
Корсакова

СТАРИННЫЙ ОРНАМЕНТ ВЕЗЕНЬЯ

ЛЮБОВНЫЙ АМУЛЕТ

Татьяна Корсакова
Старинный орнамент везенья
Серия «Любовный амулет»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=187132
Старинный орнамент везенья: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38302-3*

Аннотация

Тима не зря называют счастливым. Когда-то давно в далекой Африке прекрасная мулатка с губами, точно зрелые вишни, надела ему на шею старинный амулет. Тим тогда ходил по самому краю пропасти между жизнью и смертью. Он выжил и вот теперь вернулся в Москву, чтобы разгадать тайну гибели своего отца, и встретил в своей бывшей квартире хрупкую девочку – незнакомку, которой отец отчего-то оставил неожиданное наследство. Теперь черная тень нависла над ней, только вот хватит ли его удачи на двоих? Да и стоит ли спасать совершенно чужого Тиму человека?

Татьяна Корсакова

Старинный орнамент везения

– Этого не может быть, здесь какая-то ошибка, – Липа отложила документы и недоверчиво посмотрела на сидящего напротив мужчину.

– Почему вы так думаете? – ее собеседник, холеный брюнет в дорогом костюме и стильных очочках, вежливо улыбнулся. – Там, – он кивнул на документы, – нет никакой ошибки. После соблюдения необходимых формальностей вы, Мартьянова Олимпиада Витальевна, станете полноправной владелицей четырехкомнатной квартиры площадью сто пятьдесят квадратных метров. Примите мои поздравления. – Вежливо-профессиональная улыбка сделалась чуть более человечной.

Она недоверчиво покачала головой.

– Все равно остается много вопросов. Кто это вдруг решил меня благодетельствовать? У меня нет богатых родственников. У меня вообще нет никаких родственников. Только муж. Или муж это не родственник?

– Юридически супруги не являются родственниками.

– Тогда кто?!

Адвокат виновато развел руками.

– К сожалению, Олимпиада Витальевна, это конфиденциальная информация, и я не уполномочен ее разглашать. Это просьба моего клиента.

– Я его хотя бы знаю? – спросила Липа без особой, впрочем, надежды.

Ответом ей стало вежливое молчание.

– Спрашивать, за что мне такое счастье, тоже бесполезно?

– Олимпиада Витальевна, я связан обязательствами. Единственное, что я могу сказать вам с чистой совестью, это то, что сделка абсолютно чистая. Ее законность вам может подтвердить любой юрист.

– То есть я могу спать спокойно? – Липа посмотрела на документы, только что превратившие ее в хозяйку четырехкомнатных хором почти в центре. Прощай, общага, здравствуй, новая жизнь!

– Можете, Олимпиада Витальевна. Не вижу никаких препятствий для спокойного сна.

– А что от меня за это потребуется? – Липа с детства усвоила истину про бесплатный сыр и мышеловку. В происходящее верилось с трудом, повсюду виделся подвох.

– От вас потребуется только подпись. Как говорится, получите и распишитесь.

– И все?

– И все. Да, чуть не забыл. Это вам. – На стол перед Липой легла связка ключей: два больших, один маленький, плюс стеклянный брелок в виде четырехгранной пирамидки.

– Это?..

– Это ключи от вашей квартиры. Мой клиент распорядился, чтобы я передал их вам сразу же после вступления вами в права наследования.

– То есть он умер, тот человек? – Она почему-то думала, что квартира – это подарок, а оказалось, что наследство.

– Умер. – На гладком лбу адвоката появилась скорбная морщинка. – Завещание огласили месяц назад, но вас на тот момент, к сожалению, не было в городе.

– Да, не было. Месяц назад я была на курсах. Курсы повышения квалификации, – зачем-то уточнила она. Можно подумать, адвокату интересно, на каких именно курсах она пропадала. – Я вернулась только вчера.

– Понимаю, – адвокат вежливо улыбнулся, посмотрел на наручные часы. Часы в элегантном серебристом – или серебряном? – корпусе выглядели так же стильно, как и их владелец. – Если вы не против, я покажу вам вашу квартиру.

– Квартиру?

– Ну да, вы же не откажетесь взглянуть на нее своими глазами.

До места они доехали с ветерком. Все-таки «Ауди» представительского класса – это тебе не их с Олегом престарелый «гольфик», который заводится не с первой и даже не со второй попытки, да и то только после слезных уговоров. «Ауди» – машина для успешных бизнесменов или успешных адвокатов. И уж никак не для врачей «Скорой помощи» с их копе-

ечной зарплатой и хроническим безденежьем.

Липа украдкой погладила кожаное сидение, покосилась на адвоката. В салоне «Ауди» он смотрелся очень органично: стильная одежда, модный парфюм, запонки из неведомого Липе черного камня, перстень-печатка на среднем пальце. Именно перстень вызывал в душе Липы приступ странного благоговения, навевал мысли об Оксфорде, Кембридже или, на худой конец, Сорбонне. И этот человек возится с ней, катает на своей машине. Чудеса!

– Вот мы и приехали.

Адвокат остановил машину у кирпичного пятиэтажного дома. Из-за избытка лепнины и двухъярусной архитектуры дом был похож на свадебный торт. Вторым ярусом шел пятый, самый верхний этаж.

– Красиво, не правда ли? – Адвокат окинул строение влюбленным взглядом. – Чувствуется дыхание времени.

Никакого дыхания времени Липа не ощутила, но из вежливости кивнула. Наверное, Олег прав – у нее напрочь отсутствует чувство прекрасного, не может она по достоинству оценить истинную красоту. Олегу, конечно, виднее, он фотохудожник, человек творческой профессии. Не то что она, банальный врач «Скорой помощи».

Как бы то ни было, но на дом Липе смотреть не хотелось, намного больше ее заинтересовал двор. Удобные деревянные скамейки на тяжелых чугунных ножках, детская площадка жизнеутверждающего оранжевого цвета и много зе-

лени. Вот что по-настоящему красиво.

– Пойдемте, Олимпиада Витальевна, – адвокат галантно распахнул перед ней тяжелую подъездную дверь. – Вас ждет еще масса удивительных вещей.

В доме не было лифта – это минус, учитывая, что ее новая квартира располагалась на последнем, пятом этаже. Зато лестница оказалась светлой и на удивление чистой, а на подоконниках стояли живые цветы в одинаковых пластиковых горшках – это, несомненно, плюс, такая уютная буржуазность.

Площадка пятого этажа заметно отличалась от остальных. Во-первых, она была меньше по размеру, а во-вторых, на ней имелась только одна дверь, с виду очень добротная и массивная. Адвокат немного повозился с замками, и дверь бесшумно открылась.

– Прошу вас, Олимпиада Витальевна!

Как-то не так она себе представляла свое новое жилище. Умом понимала, что сто пятьдесят метров – это очень много, но на поверку квартира оказалась просто огромной и – адвокат не обманул – удивительной. Она никогда в жизни не видела мансарды, но почему-то сразу же решила, что это мансарда. Наверное, потому, что в двух комнатах из четырех внешние стены были почти полностью стеклянными. Одна из комнат, судя по широкой кровати, отводилась под спальню, вторая же, лишенная мебели, имела выход на балкон. Нет, не на балкон, а на крышу! Там, за стеклом, казалось

сказочно красиво: выложенный яркой мозаикой пол, столик, плетеные кресла, цветы в кадках, очень много цветов. А у двери, ведущей в этот райский уголок, не было ручки. Как же так?! Адвокат поймал ее растерянный взгляд, снисходительно улыбнулся, нажал на какой-то невидимый Липе рычажок, и стеклянная дверь отъехала в сторону.

Еще пару часов назад, узнав про свалившееся на ее голову наследство, Липа дала себе слово, что при любом раскладе будет вести себя сдержанно и с достоинством. Не получилось. Какая уж тут сдержанность, когда вокруг столько чудес? Тут не грех всплеснуть руками и сказать: «Ой, мамочки!»

– Эту комнату изначально планировалось отвести под детскую, – сказал адвокат голосом доброй феи, – но, возможно, у вас имеются собственные планы на ее счет.

Детская? Ну, конечно, детская! Их с Олегом будущему ребенку будет здесь очень хорошо. Теперь, когда проблема с жильем таким чудесным образом решена, можно, наконец, подумать о ребенке. Ей уже двадцать семь.

– Может, пройдем в гостиную? – По голосу адвоката чувствовалось, что чудеса еще не закончились.

Липа не ошиблась, в гостиной ее ждало не одно, а сразу два чуда. Чудом номер один был камин, самый настоящий, только, как сказал бы продвинутый Олег, современный. Черное каминное нутро закрывалось выпуклым стеклянным экраном, наверное, из соображений пожарной безопасности.

– Он работает? – костяшками пальцев Липа постучала по экрану.

– Разумеется! Среди документов на квартиру вы найдете подробнейшую инструкцию по его эксплуатации.

– А где я найду дрова?

– Дрова не нужны, – адвокат улыбнулся, – камин электрический, но, можете быть уверены, удовольствие он вам доставит не меньшее, чем его более примитивные собратья. Кажется, тут где-то даже предусмотрено звуковое сопровождение – треск горящих поленьев. Верите?

Липа верила. И в том, что камин ее не разочарует, не сомневалась ни секунды. Надо же, у нее будет самый настоящий камин! Инга ни за что не поверит. Нужно завтра же сводить ее сюда на экскурсию.

Вообще-то, любимая подружка уже сегодня порывалась отправиться вместе с ней к адвокату в качестве группы поддержки, но Липа отказалась. Она же тогда еще не знала, что за чудеса ее ждут. Если бы знала, обязательно взяла бы Ингу с собой.

– А вот еще одна маленькая прихоть бывшего владельца, – адвокат деликатно взял Липу за плечи, повернул спиной к камину.

Мама дорогая! Как же она сразу не заметила такую красоту?! Это, наверное, оттого, что ее добровольный гид только сейчас включил подсветку.

Красота занимала почти всю стену, противоположную ка-

мину, у красоты было название – аквариум! Метр в высоту и два метра в длину светящейся изумрудно-бирюзовой сказки. Камин был сию же минуту позабыт.

– Он вас тоже поразил? – Адвокат пробежал пальцами по аквариумному стеклу, маленькие разноцветные рыбки тут же бросились врассыпную, попрятались в большом, на треть аквариума, макете затонувшего корабля. У корабля даже имелось название – «Анна-Мария».

– Никогда не видела ничего подобного, – прошептала Липа. – Скажите, а кто кормил рыбок все это время? Вы же сказали, что хозяин квартиры умер.

Адвокат улыбнулся.

– Тот же, кто поливал цветы. Ваш покорный слуга.

– Это тоже входит в круг ваших обязанностей?

– В круг моих обязанностей входит присматривать за имуществом до тех пор, пока не отыщется его законный владелец, но сегодня я складываю с себя эти не слишком обременительные полномочия.

– Но я понятия не имею, как ухаживать за аквариумом! – всполошилась Липа.

– Это несложно, в кабинете масса книг по аквариумистике, я вам потом покажу. Корма рыбкам хватит месяца на два, к тому времени вы уже во всем разберетесь.

– А как его чистить?! Тут же воды литров двести!

– Четыреста, – уточнил адвокат, – но это не ваши заботы. Во-первых, в аквариуме установлена компьютерная си-

стема поддержания микроклимата и очистки воды, а во-вторых, всегда можно вызвать специалиста. Так что все просто, справится и ребенок.

Что-то ей не слишком верилось. Аквариум с компьютерной начинкой – это ж какие высокие технологии?! Вдруг у нее ничего не получится? Загубит ни в чем не повинных рыбешек, потом будет совесть мучить. Ну нет у нее вообще никакого опыта общения с живностью. Из домашних животных в их с Олегом общаговской комнатухе водились лишь наглючие, неистребимые тараканы. Уж как она с ними только не боролась, но специальные мелки, борная кислота и широко разрекламированная отравка давали лишь временный эффект. А Олег обвинял ее в неаккуратности, неумении вести домашнее хозяйство, и он даже слушать не хотел никаких оправданий. Ну и что, что это общага? Что за стенкой у них общая кухня, на которой тараканов этих кишмя кишит? Мой дом – моя крепость! И в крепости этой нет места всяким наглым тварям! Он вообще был очень брезглив, ее муж. Однажды, еще в студенческие годы, Липа сводила его на экскурсию в анатомичку, и он бухнулся там в обморок, а потом очень долго отказывался с ней мириться, обвинял в приземленности и душевной черствости.

– Нам осталось осмотреть кабинет и кухню, – вывел Липу из задумчивости голос адвоката.

– Да, – встрепелась она, – я готова.

Кабинет полностью соответствовал своему предназначению.

нию: массивный стол красного дерева, удобное кожаное кресло, книжный шкаф до потолка, с виду очень удобный кожаный диванчик.

Громадная кухня, ничуть не меньше, а может быть, даже больше общаговской, была нафарширована бытовой техникой, но выглядела очень мило и уютно. Да что там кухня?! Вся квартира выглядела мило и уютно, а еще очень дорого. Липа боялась даже подумать, сколько стоит эта чудесная, залитая весенним солнцем мансарда. В сердце снова закрались сомнения.

Что-то здесь не так. С какой стати неизвестному благодетелю делать такой царский подарок посторонней девице?! В душе родилась страшная и одновременно унижительная догадка. Это все не взаправду! Это розыгрыш! Она стала жертвой розыгрыша или какого-нибудь реалити-шоу под рабочим названием «Липа, а ведь ты купилась!». Небось тут кругом понатыкано видеокамер, и тысячи людей сейчас следят за тем, как она охает и ахает, и суетится как глупая курица, и верит, что с ней на самом деле может случиться чудо. А чуда никакого нет! И адвокат этот никакой не адвокат, а ловкий шоумен, привыкший дурачить доверчивых граждан. А она, дура, размечталась: детская, камин, аквариум, летний сад на крыше. Нет ничего этого! Все мираж, мистификация! Вот так! По-другому и быть не может, бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Ну, вот! – лжеадвокат хлопнул в ладоши. – Остались

сущие мелочи: ванная, туалет и кладовка.

Липа запрокинула голову, принялась внимательно изучать потолок. Видеокамеры должны быть где-то сверху. Сверху легче следить за всякими доверчивыми идиотками.

– Олимпиада Витальевна, – лжеадвокат деликатно кашлянул. – Вы что-то ищете?

– Ищу! – сказала Липа мрачно. – Где они?

– Что? Ванная, туалет и кладовка?

– Нет! Где ваши видеокамеры, операторы, звукорежиссеры?

– Я вас не понимаю, – мужчина выглядел растерянным. Хорошо играет, стервец! Она ему почти поверила.

– Не понимаете? – Липа вернулась в детскую, вышла на крышу, перегнулась через бортик, посмотрела вниз. Она была почти уверена, что внизу у подъезда увидит машину с надписью «Телевидение» и толпу зевак. Ничего! Только сухонькая старушка на скамейке да двое ребятишек на качелях...

– Олимпиада Витальевна, осторожно, – лжеадвокат деликатно, но довольно крепко сжал ее локоть.

– Не надо делать из меня дуру! – Липа высвободила руку, отошла от бортика. – Это все неправда!

– Что неправда?

– Все! Эта квартира, камин, аквариум. Это розыгрыш! Какое-нибудь очередное реалити-шоу!

– Олимпиада Витальевна, – мужчина примирительно поднял вверх руки, – вы заблуждаетесь, уверяю вас. Нет ника-

кого розыгрыша, все очень серьезно. Понимаю, это несколько неожиданно, но все это правда. Вы хозяйка квартиры и всего, что в ней находится.

– Не верю.

– Вы видели документы.

– Я врач, а не юрист! Я ничего не понимаю в ваших документах. Вы могли все подделать!

– Я?! – безмерно удивился лжеадвокат. – Олимпиада Витальевна, если бы я умел подделывать такие документы, то, будьте уверены, я бы оставил эту квартиру себе.

Странно, но она ему поверила. Поверила и устыдилась.

– Простите ради бога, просто все это так неожиданно.

– Я понимаю, – он улыбнулся. – В моей практике такое впервые.

– Так, может быть, вы все-таки скажете мне...

– Нет, Олимпиада Витальевна. При всем моем к вам уважении – нет. Просто отнеситесь к случившемуся, как к приятному исключению из правил, как к выигрышу в лотерею...

Наверное, первым делом нужно было рассказать о наследстве Олегу, но Липа отправилась к лучшей подруге Инге. Чтобы осмыслить произошедшее в ее жизни чудо, нужно время и мудрый совет. Чего-чего, а советов у Инги было хоть отбавляй. Инга, в отличие от нее, выбрала профессию не банальную, а очень даже творческую. Подруга работала психотерапевтом в очень дорогой и очень престижной частной

клинике.

Липа посмотрела на часы, только бы Инга была дома. Ей повезло.

– Сходила? – спросила подруга, едва открыв дверь.

– Сходила.

– Рассказывай!

– Что, прямо на пороге?

– Ну, заходи давай, не томи!

Пока Липа разувалась, искала «дежурные» тапки, подруга в нетерпении пританцовывала рядом, но вопросов не задавала.

– Анфиса Петровна дома? – шепотом спросила Липа, проходя на крошечную кухню.

– Анфиса на даче. Весна ж на дворе, маменьку на природу потянуло.

– Как она?

У Ингиной мамы, Анфисы Петровны, был порок сердца. Болезнь прогрессировала изо дня в день, и кардиодиспансер вот уже несколько лет являлся для нее вторым домом.

– Кажется, у меня кое-что получилось, – Инга постучала по дереву. – Но пока рассказывать не буду, чтоб не сглазить.

– Не рассказывай, – Липа понимающе кивнула. Когда жизнь самого близкого человека висит на волоске, поневоле станешь суеверным.

– Кофе будешь?

– Буду. И от чего-нибудь к кофе не откажусь. – Она толь-

ко сейчас поняла, как сильно проголодалась из-за всех этих волнений.

– Сейчас сварганю бутерброды с колбасой. Извини, больше ничего съестного нет, Анфиса же на даче.

Когда Ингина мама уезжала или ложилась в больницу, Инга тут же садилась на диету. Говорила, что это ради модельной фигуры, но Липа знала, что из-за природной лени и хронического неумения вести домашнее хозяйство. Разве ж можно причислять к диетическим блюдам бутерброды с колбасой, шоколад и «Пепси»? В общем, диета у подружки была весьма специфической, но, что самое поразительное, на фигуре она отражалась самым благоприятным образом.

Инга была девушкой видной: рост сто семьдесят пять сантиметров, стандартные 90-60-90, плюс природная блондинистость. Она легко бы могла сделать карьеру в модельном бизнесе, но выбрала медицину. Олег не уставал сокрушаться по этому поводу, фотографировал Ингу при всяком удобном случае, спешил запечатлеть «ускользающую красоту». Липа даже немного ревновала. Ревновала бы и больше, если бы подруга давала повод, но Инга повода не давала, относилась к Олегу снисходительно-доброжелательно, не упускала удобного случая поддеть «творческую натуру» – в общем, относилась как к мужу лучшей подружки, ни больше ни меньше. Какая уж тут ревность!

О том, что изначально Олег познакомился с Ингой и даже пытался за ней ухаживать, Липа старалась не вспоминать.

Ну, было и прошло. Все равно ведь теперь Олег ее муж, и любит он только ее. А что там у него в прошлом... Глупо ревновать к прошлому.

Куда это ее занесло?! Совсем от волнения самоконтроль потеряла...

– Кофе готов, – напомнила Инга. – Тебе как обычно, три ложки сахара?

Липа кивнула и, потянувшись к сахарнице, спросила ворчливо:

– А где обещанный бутерброд?

Подруга поставила перед ней тарелку с бутербродами и сказала с мольбой в голосе:

– Ну, выкладывай уже, не томи!

Липа рассказала. Она ведь затем и приехала, чтобы рассказать, поделиться радостью.

Инга слушала ее очень внимательно, задумчиво постукивала ногтем по столешнице, кивала в такт Липиным словам. Наверное, вот с таким точно видом она ежедневно выслушивает рассказы своих пациентов. Липа вдруг поймала себя на мысли, что сама бы так никогда не смогла, не хватило бы ни сил, ни терпения разбираться в чужих проблемах. Иногда реальных, но по большей части надуманных. Все-таки психиатрия – это особая наука, не каждому дано ее постичь. Куда проще и понятнее неотложная медицина. А вот Инга считает работу на «Скорой» слишком нервной и утомительной, ей легче лечить душу, чем тело. Каждому свое.

– И что, этот поверенный так и не рассказал, кто тебя благодетельствовал? – Инга перестала барабанить по столу, закурила.

– Нет, – Липа пожала плечами.

– У меня бы раскололся, – подруга выпустила едкое облачко, Липа чихнула, отодвинулась подальше. Она с детства не переносила запаха табачного дыма.

– Ну, так ты ж у нас – мозгоправ, а я всего лишь врач «Скорой помощи».

– Не прибедняйся, – Инга махнула рукой. – Давай-ка лучше съездим посмотрим на твою недвижимость. Ключи-то есть?

– Есть, – Липа выложила на стол связку.

Подруга ногтем подцепила железное колечко, поднесла ключи к глазам, точно они могли рассказать ей о квартире и ее бывшем владельце.

– Брелок какой интересный, – сказала задумчиво.

– Интересный, но неудобный, я его, пожалуй, сниму.

– Я бы не стала.

– Не люблю, когда на связке болтается всякая ерунда.

– Ладно, что сидеть, разговоры разговаривать, – Инга покрутила связку на пальце, – поехали!

В отличие от Липы, Инге домик, похожий на свадебный торт, понравился. Она не ахала и не охала, просто сказала прочувствованно:

– Офигеть! – «Офигеть» в ее лексиконе означало крайнюю степень волнения.

– Квартира на пятом этаже, лифта нет. Так что придется пешком. – Липа вдруг поймала себя на мысли, что оправдывается за то, что ее новая квартира находится так высоко. Ерунда какая! Это же Инга! Инга вообще по-спартански переносит любые неудобства, а тут такая мелочь – отсутствие лифта.

С замком пришлось повозиться – Липа путалась в ключах, нервничала.

– Дай-ка. – Инга забрала связку, пару секунд поизучала ключи и открыла дверь с первой же попытки. – Наблюдательность, милочка, это половина успеха, – сказала назидательно.

Со второго взгляда квартира понравилась Липе еще больше. Выяснилось, что в квартире полы с подогревом, а заявленная адвокатом кладовка – не кладовка вовсе, а полноценная гардеробная комната, размерами мало уступающая их комнатухе в общежитии. Со второго взгляда оказалось, что стена дома, выходящая на крышу, почти полностью увита диким виноградом, и это навеивает ощущения «загородности» и некоторой «английскости».

– Да! – подруга плюхнулась в плетеное кресло, забросила ногу за ногу. – Здорово, но меня смущает один момент.

– За какие заслуги мне такое счастье привалило? – Липа понимающе улыбнулась.

– Да бог с ним, с этим неизвестным филантропом, – отмахнулась Инга. – Вопрос чисто практического характера – сколько тут квадратов?

– Адвокат сказал, что сто пятьдесят.

– Вот, – подруга кивнула, закурила. – Теперь прикинь, какие тебе станут приходить жировки за такие-то хоромы! Вашей с Олежкой зарплаты не хватит, чтобы все это хозяйство содержать. Так что послушайся доброго совета – продай квартирку. Она потянет на очень круглую сумму, хватит, чтобы купить приличную «трешку» в хорошем районе, и еще на черный день кое-что останется.

– Нет, – Липа покачала головой.

– Нет?! – Инга, поперхнувшись дымом, закашлялась. – Мартьянова, я понимаю, такая квартирка – голова кругом. Камин и выход на персональную крышу – это, конечно, круто и романтично, но амортизацию этого добра тебе не потянуть.

– Тут такое дело, – Липа смущенно улыбнулась, – наследство не ограничивается одной только квартирой. К квартире прилагается какой-то мудреный банковский счет. Я в подробности не вникала, но со слов адвоката поняла, что это что-то вроде ренты. Всю сумму сразу я не смогу снять в течение десяти лет, но ежемесячных процентов с нее хватит на оплату всех расходов по содержанию квартиры.

– С ума сойти! Это какая же должна быть сумма, чтобы с нее капали такие проценты?

– Не знаю, – Липа пожала плечами.

– Мартьянова, твоя безалаберность меня убивает. Тебе привалили сумасшедшие деньжищи, а ты даже не удосужилась их пересчитать!

– Не удосужилась! – Липа плюхнулась в соседнее кресло, чихнула. – Не удосужилась, потому как растерялась. Ты бы тоже растерялась, если бы оказалась на моем месте.

– Хотела бы я оказаться на твоем месте! – Инга мечтательно улыбнулась. – Я бы эту хату продала, а деньги вложила бы в собственный бизнес. Открыла бы клинику и консультировала бы всяких чудиков в свое и их удовольствие. Надоело, понимаешь, горбатиться на чужого дядю. На себя, родимую, работать намного приятнее. А то давай, Мартьянова, откроем на пару частную лавочку!

– И каким боком я буду в этой лавочке?

– Будешь оказывать нашим клиентам неотложную медицинскую помощь, – Инга хитро сощурилась, а потом спросила уже совершенно серьезным тоном: – Олежка знает, что ты у нас теперь богатая наследница?

– Нет.

– А что так? Не хочешь с благоверным делиться?

– Инга! – сказала она с упреком. – Я хотела сначала с тобой посоветоваться.

– Кстати, я уже готова дать тебе мудрый совет. Я бы с благоверным не делилась. Ну, в смысле, не стала бы его сразу тут прописывать.

– Шутишь?

– Ничего я не шучу, просто здраво рассуждаю. Пусть твой ненаглядный Олежек живет здесь, а прописка у него останется общаговская.

– Почему?

– Ну, мало ли что, – Инга пожала плечами. – Сейчас время сама знаешь какое. Я просто не хочу, чтобы тебя ободрали как липку. Уж извини за каламбур.

– Инга, мы сейчас говорим о моем муже, – напомнила Липа.

– Ну и что?! У тебя мужей этих может быть еще десяток! Что ж теперь, каждого на своей жилплощади прописывать?

– А мне не нужен десяток. Мне нужен только Олег.

– А мне Бред Пит, – Инга ничуть не смутилась. – Но даже его я бы к себе не прописала. Из соображений здравомыслия.

Липа вздохнула. В этом вся ее подруга: практичная и здравомыслящая до кончиков ногтей. Ну, нельзя же быть такой расчетливой!

– Считаешь меня расчетливой стервой? – Подруга прочла ее крамольные мысли.

– «Стерву» можешь опустить, – проворчала Липа. – Мы с тобой просто мыслим разными категориями.

– Мы с тобой вообще разные, – фыркнула Инга, – но это не мешает нам дружить уже столько лет.

– Я Олега люблю, понимаешь?

– Хорошо! – подруга хлопнула ладонью по столу. – Люби,

только не забудь, что я тебя предупреждала...

* * *

...Не прошло и двух месяцев, как Липа вспомнила Ингины слова. А ведь все так красиво начиналось!

Она решила устроить Олегу сюрприз. В один из дней, свободных от дежурства, прибралась в своей новой квартире, приготовила праздничный ужин, сервировала столик на крыше, для пущей романтичности, и заявила к мужу на работу.

Олег сопротивлялся. Он хотел нормально отдохнуть после каторжного труда на студии, а не мотаться по всему городу только из-за того, что его женушке в голову пришла глупая бабья блажь. Липа на «бабью блажь» не обиделась, у Олега был тяжелый период – вдохновение ушло, и на работе постоянные дразги. Талантливым людям всегда завидуют, не дают самовыражаться.

Все-таки ей удалось его уговорить. Всю дорогу до места Олег обиженно молчал. Липа тоже молчала, фантазировала, какой окажется его реакция на ее сюрприз. Наверное, он очень сильно удивится...

Олег удивился даже больше, чем она рассчитывала. Обошел комнаты, постоял перед зажженным камином – дня за три Липа разобралась-таки в мудреной инструкции – и только после этого заговорил:

– Ну, и что все это значит?

Липа улыbnулась, поцеловала мужа в щеку.

– Это значит, что мы больше не живем в общежитии.

– Выселяют?! – Олег помрачнел еще больше. – Ты снова забыла заплатить за комнату?! Липа, ну сколько можно?! Все, мое терпение...

– Тише, – она погасила его раздражение еще одним поцелуем, потащила на крышу, усадила за стол.

– Это идея той интриганки? – Олег не собирался успокаиваться. – Это Инга тебя надоумила? – Липа покачала головой. – Ужин в чужом пентхаусе не решит наших с тобой проблем. И кто тебя сюда только пустил?!

– Это не чужой пентхаус. – Липа сделала театральную паузу. – Это мой пентхаус.

– Твой?!

– Наш с тобой.

– Олимпиада, я ничего не понимаю. Я требую объяснений!

И она объяснила, с превеликим удовольствием: и про неизвестного благодетеля, и про счет в банке. А Олег все равно не поверил. Пришлось показывать ему документы, а потом еще очень долго убеждать, что бумаги не фальшивые и что все это не розыгрыш. Липа хорошо понимала своего мужа. Она ведь и сама поверила далеко не сразу...

...Это была самая волшебная ночь в ее жизни. Свечи, зажженный камин – огонь в нем действительно потрескивал

как настоящий, — джакузи и спальня, сквозь огромное окно которой видны звезды. И Олег, нежный, страстный, влюбленный...

Та ночь положила начало их медовому месяцу. У них ведь не было медового месяца. Была совсем не торжественная, а какая-то будничная роспись, вечер в кругу друзей... Комendant общежития милостиво предоставил им Ленинскую комнату: обшарпанную, неуютную, со строгими лицами вождей пролетариата на стенах. Вождей замаскировали плакатами с поздравлениями новобрачных. Красное сукно на столах заменили на белые крахмальные скатерти, комнату украсили воздушными шарами, и получилось довольно мило. Но праздник очень быстро закончился, и как-то сразу начались прозаичные будни: у Липы — выпускные экзамены, у Олега работа. В общем, медовый месяц не случился.

И вот, спустя четыре года, они взяли реванш. Липе казалось, что жизнь только начинается, что все у них теперь будет просто замечательно. И можно, наконец, подумать о ребенке. В такой огромной квартире неуютно без детей.

Это случилось ровно через сорок шесть дней. Олег вернулся домой пьяный. Не выпивший, не навеселе, а именно пьяный. Такого за ним отродясь не водилось. Липа всполошилась: если муж напился, значит, у него неприятности. Может, что-то случилось на работе? У него ведь такой придирчивый начальник...

Она ошиблась. Неприятности у Олега, как оказалось, не

на работе, а в семье. Хотя, может быть, это и не неприятности вовсе, а так, досадное недоразумение. У досадного недоразумения было имя – Олимпиада Витальевна Мартьянова. Недоразумение мешало Олегу творить, прогоняло вдохновение, обрезало крылья и вообще достало его хуже пареной репы. Он терпел-терпел и не вытерпел. Он устал наступать на горло собственной песне. Рядом с ним должна находиться чуткая, тонко организованная душа, способная оценить и поддержать. А не недоразумение, приземленное, примитивное и... уродливое.

Он так и сказал – уродливое. Не пожалел, не смягчил удар. А ей ведь и без того было больно.

Дура, она еще пыталась помириться, думала, что это не он говорит такие страшные вещи, это водка. Хотела обнять, успокоить, а Олег ее оттолкнул, стряхнул с себя ее руки, как стряхивают с одежды грязь – сосредоточенно и безразлично. А потом он сказал, что подал на развод, и жизнь остановилась...

Муж, почти бывший муж еще много чего говорил, метался по квартире, натыкался на мебель, пытался собрать свои вещи и все время что-нибудь ронял. Липа его больше не слушала. Она сидела в плетеном кресле, смотрела на звездное небо и думала, что все кончилось. Она просидела так до самого утра, продрогла до костей, все не могла найти в себе сил, вернуться в квартиру.

Она вернулась, а Олег ушел. Наверное, не смог прожить

еще одну ночь с недоразумением по имени Липа Мартьянова.

Следующий раз они встретились уже в суде. Месяца хватило, чтобы Липа собрала себя по частям – спасибо Инге и ее психотерапии. Теперь она почти не плакала, почти не просыпалась по ночам, почти научилась жить и почти забыла Олега. Если бы у нее было больше времени, она бы возродилась как птица Феникс, но Олег не дал ей такой возможности.

Их развели очень быстро: никаких трех месяцев на примирение. А зачем, скажите на милость, отсрочка, если и так все ясно? Он тонко организованный и возвышенный, она расчетливая и лживая. Он хотел детей, а она считала, что дети – это обуза. Он ее любил, бросал к ее ногам весь мир, а она ему изменяла с его же приятелями...

Олег не поленился, привел свидетеля. Оказывается, она изменяла мужу с Костиком Троцким. Тем самым, который на их свадьбе громче всех кричал «Горько!», а потом, в их первую брачную ночь, спал пьяным сном на соседней кровати. Никакой первой брачной ночи тогда не получилось, потому что казенная кровать жутко скрипела при малейшем движении, и Липа боялась, что Костик проснется, а Олег сказал, что у них все впереди, и она ему поверила.

Как обидно! Месяц психотерапии насмарку...

Она не стала оправдываться и унижаться. Стерва так стерва... Изменяла так изменяла... Что уж теперь?! Главное, чтобы этот позор поскорее закончился. Она вернется домой,

зажжет камин и все забудет.

Их развели и поделили пополам имущество. Из имущества у них была квартира и машина. Олегу достался «Фольксваген», детская и кабинет. Липе – гостиная с аквариумом и камином и спальня. Все почти поровну, почти честно...

Олег еще хотел, чтобы разделили и счет, но счет оказался как-то так оформлен, что разделить его не представлялось никакой возможности. Деньги остались Липе – какое счастье...

Домой ее отвезла Инга. Инга негодовала и материлась как сапожник. Наверное, для того, чтобы Липу проняло.

– Мартьянова! Ну что ты за дура такая бесхребетная?! – Смешно, всего час назад она была расчетливой сукой, а сейчас стала бесхребетной дурой. – Ты почему не защищалась?! Они же тебя оболгали, помоями облили с головы до пят! Даже я Олежика слушала и начинала верить, что моя подруга – это не Липа Мартьянова, а помесь гиены и гремучей змеи.

– Да пошли они, – Липа вяло отмахнулась. – Инга, может, напьемся?

– Напьешься еще, – проворчала подруга. – И про квартиру я тебя предупреждала! Какого хрена ты туда этого шакала прописала?!

– Тогда он еще не был шакалом, – Липа потеряла виски.

– Да всегда он был шакалом, только ты, дура влюбленная, ничего не замечала. Олежек то, Олежек се! Олежек лучший

на свете!

Оказывается, она не только бесхребетная, но и слепая. Стоило развестись, чтобы узнать о себе столько нового. Злость накатила внезапно, сжала горло холодными лапами.

– А что же ты меня не предупредила, что он такой?! Ты же моя лучшая подруга!

Обвинение было обидным и безосновательным. Инга ее предупреждала, еще до их с Олегом свадьбы, намекала, что он небезгрешен, что скуповат, трусоват и подловат. Может, слишком деликатно намекала? Может, нужно было сказать прямо: «Мартьянова, твой будущий муж негодяй и бабник, а «раненая душа поэта» – это всего лишь ширма». А она бы тогда поверила? Да ни за что на свете! Любовь зла...

– Я тебя...

– Я знаю, – она не дала Инге договорить. – Извини, я просто очень расстроена, вот и ищу виноватых. Но ты ни при чем, ты меня предупреждала, я помню. Только твоя правда мне тогда была не нужна. До правды еще нужно дорасти.

– Доросла? – спросила Инга, не глядя в ее сторону.

– Не знаю, – Липа пожала плечами. – Обидно очень. Инга, а как ты думаешь, он от меня просто ушел или к кому-то конкретному?

– А тебе это нужно?

– Скажи!

– К модельке одной он ушел. Делал ей портфолио и смертельно влюбился.

– Почему смертельно?

– Потому что от такой любви крышу сносит напрочь.

– А ты откуда знаешь?

– Про что? Про крышу или про модельку?

– Про то и другое.

Инга немного помолчала, а потом заговорила:

– Когда этот павлин от тебя ушел, я провела независимое расследование. Не то чтобы следила, просто навела кое-какие справки. Моделька из молодых да ранних. Приехала из Урюпинска, переспала с парой-тройкой нужных людей, попала в модельное агентство. Агентство нераскрученное и неперспективное, реклама дешевого женского белья – их потолок. А у девочки амбиции, решила, что все ее беды из-за некачественного портфолио. Кто-то порекомендовал ей Олежку, ну и девчонка не растерялась.

– Давно?

– Что – давно?

– Давно он встречается с этой... моделькой?

– Четыре месяца. И не смотри на меня так, я об этом узнала только пару недель назад, когда он тебя... когда вы решили разойтись.

Вот тебе и медовый месяц! Неужели она на самом деле слепая?! Неужели ничего не замечала?! Липа задумалась. Не замечала! Ничего не было: ни следов губной помады на его сорочках, ни запаха чужих духов, ни подозрительных телефонных звонков. Был медовый месяц...

– Ну зачем ты его прописала?! Я ж тебя предупреждала, а ты – любовь! Вот и сделала этому выродку свадебный подарок – половину квартиры. Как дальше-то жить собираешься?

– Не знаю. Наверное, нужно будет разъезжаться. Инга, мне сейчас не до того.

– Не до того ей! – подруга раздраженно хмыкнула. – А вот твоему бывшему как раз до того. Дождлся, когда ты его прописала, и сделал ручкой. Эх, нужно было сразу квартиру продавать.

– Как я теперь буду жить? – Липа закрыла глаза.

– Как раньше жила, так и дальше будешь. Может даже еще лучше. Может, мужика нормального встретишь.

– А если он тоже захочет жить в моей квартире? Вместе со своей моделькой? – Липа всхлипнула. – Я же с ума сойду.

– Не сойдешь! Самое разумное решение в сложившейся ситуации – квартиру продать, деньги поделить и разбежаться по отдельным жилплощадям. Жалко, конечно, но что делать!

– Мне камин нравится, и аквариум, и крыша. Я к ним привыкла уже. К хорошему легко привыкнуть.

– Тогда второй вариант, – сказала Инга раздраженно, – живите дружной шведской семьей. Глядишь – понравится.

– Напиться хочу.

– Напьешься.

– У меня коньяк есть. Пятизвездочный, армянский. Выпьешь со мной?

– Выпью, а что ж не выпить на халяву?

И они выпили: сначала бутылку коньяка, потом бутылку шампанского. Пили за новую жизнь, новую любовь и новую жилплощадь. А потом Инга уехала, а Липе вдруг очень сильно захотелось увидеть Олега, поговорить с ним. Они же не разговаривали целый месяц. И с квартирой надо что-то решать. Квартира – замечательный и очень аргументированный повод встретиться...

...Утро началось с адской головной боли и тошноты. Желудок жаждал немедленного избавления от гремучей смеси из пятизвездочного армянского коньяка и советского шампанского. Он сначала сжимался в тугий узел, а потом выворачивался наизнанку. Раз за разом. От Липы этот процесс никак не зависел.

Облегчение наступило лишь минут через двадцать. Если, конечно, можно назвать облегчением это вязкое, муторное чувство, когда голова кружится, а тело трясется в ознобе.

Липа включила воду, подставила лицо под прохладные струи, сделала жадный глоток. Надо бы принять душ, смыть с себя липкий пот и воспоминания. Что на нее вчера нашло?..

Вместо того чтобы тихонько лечь спать, она отправилась в общежитие, поговорить с мужем. Нет, теперь уже бывшим мужем. А там эта... моделька, наглая крашенная выдра! Моделька все время вмешивалась в их с Олегом разговор, обзывала Липу хищницей, аферисткой и мокрой курицей. Терпение лопнуло на «мокрой курице»...

Модельке досталось по полной программе, даже сейчас, сквозь дурман похмельного синдрома приятно вспомнить. Олег, конечно же, бросился защищать свою пассивку и тоже получил. По всему выходило, что во хмелю она буйная и неконтролируемая, полная противоположность себе трезвой. Немного стыдно перед вахтершей и бывшими соседями – дала людям пищу для разговоров. Олежка небось теперь на каждом углу раструбит про то, какая она ревнивая сука – еще один козырь в его колоде. А о квартире они так и не поговорили, спасибо модельке.

Господи, как же болит голова! Хорошо еще, что она договорилась на работе и впереди целых два свободных дня, есть время протрезветь и подумать, как жить дальше.

Липа забралась в ванну, включила горячую воду, закрыла глаза. Она полчаса полежит, придет немного в себя, а потом выпьет большую чашку кофе и начнет думать...

Расслабиться не получилось. Только-только головная боль стала затихать, как дверь в ванную с грохотом распахнулась. Липа вздрогнула, открыла глаза. Истерзанное похмельем тело даже испугаться не успело как следует...

– Ну что, сука, добилась своего?! Опозорила меня перед людьми?! – бывший муж присел на бортик ванны, больно сжал Липино плечо.

– Пусти, – прохрипела она. Разговаривать громко почему-то не получалось.

– Пустить?! – бывший потер расцарапанную щеку. Это

она его так?! Какая прелесть! Будет о чем вспомнить на старости лет. – Да я тебя сейчас утоплю в этой джакузи!

А он красивый. Даже когда злится, все равно красивый. Есенин, сходство почти портретное...

– Утопишь – посадят, – она стряхнула его руку, потянулась за полотенцем.

– А ты никак похудела? – бывший ощупал взглядом ее голое тело.

Похудела – за месяц ровно на семь кило. А что ж не похудеть от такой-то радости?

– Зачем пришел? – спросила она, кутаясь в халат.

– Я здесь, между прочим, живу. Забыла?

– Забудешь тут. – Голова болела так сильно, что даже обида на этого негодяя отошла на второй план. Может, кофе поможет?

Придерживаясь за стены – голова еще и кружилась, – Липа прошлепала на кухню, включила электрочайник: готовить кофе в турке не было сил, лучше просто заварить. Она поставила на стол чашку, только одну – Олежка обойдется, – села на табурет, сжала виски руками.

– Не ожидал я от тебя, Мартьянова, такой прыти. – Бывший приволокся следом, уселся напротив. – Как же ты дошла до жизни такой? Напилась как свинья, закатила истерику! – Он брезгливо поморщился.

– Пришел мне нотации читать?

– Нет, пришел предупредить, – он подался вперед, – если

ты, дрянь, Карину еще раз хоть пальцем тронешь, я тебя по стенке размажу.

Оказывается, крашеную выдру зовут Кариной. Не слишком ли вычурное имечко для девочки из Урюпинска? Или это псевдоним?

– Надо что-то делать с квартирой, – она отмахнулась от его угроз.

– А что с ней делать? – Олег недобро усмехнулся. – Мы с Кариной переедем на свои законные метры и покажем тебе Кузькину мать.

– Ты уже показал. – Закипел чайник, Липа с неохотой встала, заварила себе кофе, насыпала в чашку три ложки сахара. – И не надо меня пугать. На твою Кузькину мать у меня найдется один, но очень большой Василий. Можешь мне поверить, он не откажется пожить у меня.

Это был хороший контраргумент, Липа даже мысленно похвалила себя за находчивость. Василия Кузнецова боялись все, кто не знал его достаточно близко. Он работал водителем в бригаде Липы и отличался звероподобной внешностью – Тайсон и Валуев плачут в сторонке – и вспыльчивым характером. А еще поговаривали, что он сидел за какое-то жуткое преступление. Липа рассказням и сплетням не верила и Василия не боялась, ну ни капельки. Видела, как он к людям относится: и к больным, и вообще... Другой водила, бывает, с места не сдвинется, когда надо пациента до машины дотащить, и плевать ему, что в бригаде одни женщины, Липа да

фельдшер Алена, и общий вес у них килограммов сто пять максимум. А Василий не такой, его даже просить не нужно.

Что там говорить, Липе Василий откровенно симпатизировал. И ни при чем тут романтические чувства, просто он тоже вырос в детдоме и лучше других знал, что это за доля такая, сиротская. А еще он ее жалел, сам ей об этом сказал.

Однажды они напились на День медика, и Василий разговорился:

– Хорошая ты девка, Олимпиада, только дура.

– Почему? – Градус выпитого был таков, что на «дуру» обижаться совсем не хотелось.

– Потому что мужика себе выбрала гнилого. Долго небось выбирала?

– Олег не гнилой! – А вот за любимого мужа она тогда оскорбилась, никакие градусы не помогли.

– Не любит он тебя, Олимпиада. Неужели не видишь?

А она и не видела. Она тогда в самом деле была дурой, решила, что Василий просто завидует ее семейному счастью, обиделась, даже пьяную слезу пустила. Василий ее успокаивать не стал, наморщил низкий лоб, покачал головой, сказал:

– Хватит нюни распускать, Мартьянова. Пойдем, я тебя домой провожу.

И проводил, как Липа не отнекивалась. Если Василий себе что-нибудь в голову вобьет, не отвертишься. Вот тогда-то они с Олегом и познакомились.

Василий ее до самой общаги довел и уже собирался ухо-

дить, когда вышел Олег. Вышел и сразу же стал на Липу орать. Это она понимала, что муж кричит не со злости, а просто оттого, что волнуется, что она «невесть где шлялась до ночи», а вот Василий в тонкости их семейных отношений вникать не стал, сразу схватил Олега за грудки. Липа их едва разняла.

С тех пор Василий ее уму-разуму больше не учил – видно, решил, что бесполезно, а муж еще месяц изводил ее упреками и дикими подозрениями. Он почему-то решил, что у Липы и ее водителя роман, и убедить его в обратном не представлялось никакой возможности. Липа тогда страшно переживала, ночами не спала, очень долго дулась на ни в чем не повинного Василия. А сейчас оказалось, что Олежкино давнее заблуждение ей на руку. Вон как покраснел.

– Значит, это правда? – прохрипел он.

– Что?

– Крутила шашни за моей спиной и думала, что я ничего не узнаю.

– Ты тоже за моей спиной... – к горлу колючим клубком подкатила обида, – с этой своей моделькой.

– Ну, Мартьянова, ну сравнила божий дар с яичницей! – Олег расхохотался. – Я тебе изменял с прекраснейшей из женщин, а ты мне – со звероящером.

– А еще с твоим лучшим другом, – напомнила она.

– Да ладно тебе, – Олежек добродушно махнул рукой. – Костю я просто так приплел, для пущей убедительности. Ре-

шил подстраховаться на случай, если б нам испытательный срок стали предлагать.

– Подстраховался. – Липа сделала большой глоток кофе, в упор посмотрела на своего бывшего, некогда горячо любимого мужа. – Ну, так и я подстраховалась. Если ты посмеешь притащить свою лахудру в мою квартиру, я приведу Василия. А он человек сложный, сам должен помнить, если ему что-нибудь придется не по вкусу, расцарапанной мордой не отделаешься. Перелом ребер – это минимум, – она зловеще улыбнулась. – Но ты, дорогой, не переживай. Я бывшего мужа в беде не оставлю, первую медицинскую помощь окажу непременно.

– Сука! – Олежек вскочил из-за стола, табурет с грохотом рухнул на пол, Липа зажмурилась от полыхнувшей в мозгу боли. – Ты еще пожалеешь!

– Я уже пожалела, – сказала она, не открывая глаз. – Пожалела, что связалась с таким подонком, как ты.

– Зря ты так, – Олег перешел на вкрадчивый шепот, – смотри, как бы потом кровавыми слезами не умылась.

– Значит, так! – Липа открыла глаза, сделала еще один глоток кофе и улыбнулась так, что Олежку перекосило. – Еще полчаса назад я собиралась просить тебя о размене квартиры. Так вот, я передумала. Никакого размена не будет. Можешь приводить свою модельку, а я приведу Василия. Будем жить как в коммуналке, тебе понравится.

– Шутишь? – От перспективы жить под одной крышей со

скорым на расправу Василием бывший изменился в лице – аристократическую бледность сменил нездоровый багрянец.

– Не шучу, – Липа отодвинула пустую чашку. – Иди домой, дорогой. Моделька, наверное, уже соскучилась.

Удивительно, но он послушался – ушел, ни слова больше не говоря, только дверью на прощание хлопнул так, что у Липы заложило уши. Все, хоть маленькая, но победа. Реванш за перенесенные унижения. Появилась надежда, что бывший не притащит сюда свою выдру. Они думали выжить безответную дуру Олимпиаду Мартьянову, а она ударила по ним их же оружием. Вот не станет она разменивать квартиру, и что тогда? Ей нравится мансарда, и камин, и аквариум. Пусть Олежек со своей моделькой теперь покрутятся...

* * *

Лето. Ну какое же это лето?! Вот в Дакаре лето – тридцать пять в тени. Даже в Париже под тридцать. А тут...

Россия – это какая-то аномальная зона. Здесь все не как у людей. Или он просто забыл, какое тут лето? Почти десять лет прошло, мог и забыть.

Тим сунул обратно в сумку солнцезащитные очки – на кой хрен тут очки, когда солнца нет?! – побрел к автомобильной стоянке. Странно, но от встречи с родиной в душе ничего не шелохнулось. А ведь когда-то, десять лет назад, она ему даже снилась: и березы, и холодное небо, и морозящий дож-

дик. Домой хотелось до слез. Хотелось послать все к чертям: и гордость, и отца, и Африку со всеми ее хитрющими аборигенами, все время норовящими облапошить наивного белого мальчишку.

Он думал, что Африка – это приятная экзотика: пальмы, белый песочек, добродушные, отсталые люди. Дурак! На поверку Африка и оказалась экзотикой, только не такой радужной, как он себе нафантазировал. Африка его чуть не убила. Сначала палящее солнце – Тим обгорел в первый же день. Потом жара, невыносимая, доводящая до изнеможения. Тим спасался от нее ледяной водой. Он пил воду, кажется, даже не литрами, а декалитрами. Пил, а она тут же испарялась, оставляя на обгоревшей коже соленые разводы. И с каждой выпитой бутылкой ему становилось не лучше, а хуже.

Тим отключился прямо посреди улицы. Раз – и яркий солнечный день померк. В себя он пришел уже в больнице: серый потолок, облупленные стены, москитная сетка над кроватью, капельница, подключенная к вене, и улыбчивая медсестра в белом халате и крахмальной косынке, точно перекочевавшая из старых фильмов про Великую Отечественную. Это она рассказала, что Тим себя чуть не угробил. Оказалось, что он пил неправильную воду. Надо было минеральную, а он пил простую. А простая вода в тех жутких количествах, которые он в себя вливал, – это яд. Улыбчивая медсестра сказала, что в его организме произошел какой-то электролитный сбой, и едва не отказали почки. Вот оно как:

в Африке даже воду нужно пить с осторожностью, особенно непривычным европейцам.

С тех пор Тим перешел на минералку, повторения «электролитных сбоев» не хотелось. Но беды на этом не кончились. В ту же самую больницу он загремел ровно через неделю. Стыдно признаться, с поносом. На сей раз была виновата местная пища, слишком острая, слишком экзотическая. Изнеженное европейское нутро Тима не сумело справиться с этой экзотикой. В больнице он пролежал еще пять дней. От поноса, слава богу, избавился, но и кошелек его заметно полегчал. А ведь он фактически еще не приступил к работе.

Работа, будь она неладна! Именно из-за работы, если не считать прочие равные обстоятельства, Тим и оказался в этом «райском уголке».

Он был высококлассным специалистом, Бауманка за плечами как-никак. Инженер по обслуживанию холодильных установок – вот как называлась его специальность. А далекий Сенегал остро нуждался в специалистах именно такого профиля. На этот счет Тима просветил Илюха Винников, институтский приятель и одноклассник. Илюха где-то узнал, что Сенегал вербует российских специалистов, потому как в этом самом Сенегале одной из профилирующих отраслей является рыболовство. А поскольку выловленную рыбу нужно где-то хранить, стране срочно необходимо холодильное оборудование вместе с инженерами, знающими, как это оборудование наладить и починить. Илюха был неистребимым

романтиком и аферистом. Это он подбил Тима «махнуть в Африку». Тиму в то время было все равно: хоть в Африку, хоть на Северный полюс, лишь бы подальше от России. Он согласился, а Илюха, паразит, в самый последний момент дал задний ход. У здорового как буйвол Илюхи вдруг обнаружился порок сердца, а у хилого Тима в здоровье не нашли никаких отклонений.

Конечно, можно было плюнуть на Африку, мотануть куда-нибудь в ближнее зарубежье, все ж не так страшно. Но он поперся в богом забытый Сенегал, врагам назло. Это он тогда так думал, что врагам назло, а оказалось, что назло самому себе. Кому он нужен в этой Африке?!

Нет, кое-кому российский инженер Тимофей Чернов все же понадобился. В первый же месяц его обокрали, увели всю наличность прямо из комнаты, которую он снял по приезду. Но тут уж винить было некого. Французские коллеги, работающие на том же самом заводе, что и Тим, предупреждали, что жилье нужно снимать поближе к центру, в относительно спокойном районе. Но даже в этом случае лучше подстраховаться и нанять охранника из местных, чтобы добро целее было. Не послушался умных людей, пожалел денег, вот и поплатился – ни добра, ни денег. Почти два месяца пришлось жить на хлебе и воде, чтобы расплатиться с долгами и поднакопить денег на жилье в «хорошем районе». За это время Тим пообвыкся, свел знакомство с несколькими иностранцами и кое с кем из местных. Хоть тут не возникло осо-

бых трудностей. Все-таки знание иностранных языков – это большое подспорье. А за плечами у Тима была спецшкола с углубленным изучением французского, пять лет занятий с репетитором и полугодовая стажировка в Париже. Многие принимали его за француза и долго не верили, когда Тим говорил, что приехал из России.

Судьба дала ему пинка именно в тот день, когда Тим решил, что окончательно освоился, акклиматизировался и заматерел.

Этот бар являлся проверенным заведением, где в основном собирались иностранцы. В его интерьере не было никакого туземного колорита, все чинно, по-европейски, и, главное, мощный кондиционер, который превращал бар в благословенное место. Тиму там нравилось: комфортный климат, хорошая выпивка, телик, через спутниковую тарелку транслирующий европейские каналы. Иногда даже удавалось посмотреть новости на НТВ, поностальгировать над бокалом баварского пива, почувствовать себя почти дома. Да и публика, по большей части, собиралась приличная, хоть и разношерстная.

Из развлечений, кроме выпивки и телевизора, имелись карточные игры. Играли исключительно на деньги. Иногда ставки были чисто символическими, а иногда – чаще всего по субботам – достигали очень приличных высот.

Тим тоже поигрывал, не ради денег, а чисто из спортивного интереса. Ему везло почти всегда. Из-за этого везения

его прозвали Счастливчик Тим.

Счастливчик Тим – красиво звучит, пахивает разбойничьей романтикой и флибустьерами. Кто бы мог подумать, что в далеком Сенегале ботаник Тимофей Чернов станет Счастливчиком Тимом?! Если бы Илюха узнал, умер бы от зависти. А если бы узнала она...

Она бы не поверила. Для нее Тим на всю жизнь останется этакой помесью плюшевой игрушки и домашнего любимца... А, плевать! Он уехал на край света, чтобы забыть и никогда больше не вспоминать. Он теперь совсем другой человек – Счастливчик Тим.

В тот вечер удача особенно ему благоволила, Тим утратил чувство меры. Легко утратить чувство меры, когда матерые, закаленные в горниле жизни мужики одобрительно хлопают тебя по спине и смотрят с уважением и завистью. Счастливчик Тим – любимчик Фортуны. В тот вечер он выиграл почти тысячу долларов и на выигранные деньги, по чисто русской традиции, закатил пир горой, напоил всех желающих и сам напился. Ограничиваться пивом не стал, заказал себе виски, как взрослый. Виски оказалось редкостной гадостью, похуже самогона, но Тим, не кривясь и не морщась, выпил полбутылки.

Из бара расходились далеко за полночь. Тим шел по пустынной, плохо освещенной улице и глупо улыбался. На душе было легко и радостно, в желудке плескалось виски, а в кармане джинсов лежала астрономическая сумма. Жизнь

хороша! Даже тут, на краю земли, можно жить. Он – Счастливчик Тим, у него обязательно все сложится хорошо.

То, что на узкой улице он больше не один, Тим заметил не сразу. Эйфория и ощущение собственной исключительности притупили чувство осторожности.

Нападающих оказалось двое. В скудном свете уличного фонаря он не разглядел их лиц. Да и не было у него для этого времени, успеть бы увернуться от сыплющихся со всех сторон ударов.

Не успел, сдался, еще не начав сопротивляться. Смешно сказать – сопротивляться! Попробуй, помаши кулаками, когда их двое, а ты один. Когда они – разбойники с большой дороги, а ты – всего-навсего московский ботаник, возомнивший себя счастливчиком. Когда у них ножи, а у тебя только голые руки.

Наверное, его хотели ограбить и вели от самого клуба. Да черт с ним, с выигрышем, он бы и сам все отдал, жизнь-то дороже. Зачем же так бить?! Зачем ножи?..

Правый бок вдруг полоснуло дикой, обжигающей болью. Тим заорал, схватился за бок рукой, пальцы наткнулись на что-то мокрое и липкое. Все, сейчас его прирежут, как свинью... Как обидно, он ведь уже начал привыкать...

Избиение прекратилось так же внезапно, как и началось, напавшие на Тима люди исчезли, испарились, точно их и не было. Остались только тускло освещенная улочка и дергающаяся боль в боку. А потом он услышал голоса. Голоса о чем-

то спорили. Тим так и не понял, о чем именно, провалился в беспамятство.

Очнулся он уже не на пыльной уличной дороге, а в больнице, той самой, в которой так славно коротал первую неделю своего пребывания в Сенегале. Тим осторожно ощупал забинтованный бок, поморщился.

– До свадьбы заживет. – На стул перед его койкой уселся грузный, наголо бритый мужик. – Уф, ненавижу больницы! – Посетитель вытер вспотевшее лицо краем ярко-желтой майки, хитро подмигнул Тиму, сказал: – А ты и вправду счастливчик! Не сбrehали лягушатники.

Тим только сейчас сообразил, что мужик разговаривает с ним по-русски. Русских в городе было наперечет, и почти всех их он уже знал в лицо, а вот этого толстого весельчака видел впервые.

– Тебе в печень целились, – мужик задумчиво почесал все три своих подбородка, – по идее, ты должен был прямо на месте коньки откинуть, а ты, видишь, извернулся, только поцарапался малость.

Ничего себе малость! Рана на боку не производила впечатление царапины. Да и болела она ощутимо. Кстати, а откуда толстяк знает, что ему целились именно в печень?

– Это вы меня спасли?

– Я, – широкое лицо расплылось в довольной улыбке, – почти километр тебя на собственном горбу до больницы пер. А Ассан, хрен чернозадый, мне совсем не помогал, предла-

гал бросить тебя там, где нашли.

– Спасибо, что не бросили, – сказал Тим прочувствованно.

– Ну, спасибо на хлеб не намажешь, – толстяк хитро сощурил маленькие глазки, – а вот восьмиста баксов за труды мне вполне хватит.

– Восемьсот баксов? – Тим полез в карман джинсов.

– Не суетись, Счастливчик, Коляныч уже все урегулировал, – толстяк помахал перед самым его носом пачкой долларов.

– Мои забрал?

– Забрал. Легко пришло, легко ушло, а что, жаба душит?

– Не душит. – Тим посмотрел на деньги почти с отвращением. Из-за этих проклятых зеленых бумажек он чуть богу душу не отдал. Пусть уж лучше их заберет этот толстый Коляныч.

– Значит, не жалко? – обрадовался Коляныч.

– Нет.

– Это хорошо. Знаешь, а я тебе тоже навстречу пойду, оплачу твое пребывание в больнице. Я, понимаешь ли, тоже человек нежадный.

– Спасибо.

– Да пустое! С твоих же бабок и заплачу.

– А кто на меня напал? – задал Тим самый животрепещущий вопрос.

Коляныч пожал плечами:

– Кто ж его знает, Счастливчик? Падали везде хватает. Сам-то откуда будешь?

– Из Москвы.

– Из столицы, значит, а какой леший тебя в эту дыру занес?

– Да никакой.

– По профессии кто?

– Инженер.

– Инженер, значит, а с языками ты как, в ладах?

– Французский, английский свободно, немецкий со словарем.

– Да ты что?! – непонятно чему обрадовался Коляныч.

Тим скромно пожал плечами, украдкой потрогал забинтованный бок – неужели целились в самом деле в печень? Дикая страна...

– Работа нравится? – продолжал допытываться Коляныч.

– Не разобрался еще.

– Скучно, да?

Тим задумался. Получалось, что Коляныч прав. Ведь и в самом деле скучно. Как-то не так он себе представлял африканскую романтику. А получилось, что забрался на край света только затем, чтобы узнать, что тут такая же рутина. Дом – работа – бар. Иногда, для разнообразия, разбойные нападения...

Пока Тим думал, Коляныч с кряхтением встал, сказал:

– У меня к тебе есть предложение. Денег сразу много не

обещаю, но то, что будет интересно, – это сто пудов.

– А что делать нужно?

– Пока что нужно выздоравливать.

– А потом?

– А потом, – Коляныч положил на тумбочку замусоленный клочок бумаги, – придешь по этому адресу, и мы поговорим.

– Это криминал? – спросил Тим с дрожью в голосе и тайной надеждой.

Коляныч громко заржал, сказал:

– А ты мне все больше нравишься, Счастливчик Тим. Не парься, криминала в чистом виде не обещаю, а вот приключений на твою тощую задницу будет хоть отбавляй...

* * *

С квартирой творилось что-то неладное. Или что-то неладное творилось с ее головой. Началось все после того памятного разговора с Олегом. Нет, намного раньше. Еще до развода Липа замечала кое-какие странности. Например, ни с того ни с сего появлялся запах мужского одеколона. Туалетную воду мужу она выбирала сама и совершенно точно знала, что этот запах чужой. Иногда привычные предметы оказывались в совершенно необычных местах, но Липа списывала это на рассеянность Олега, хотя тот никогда не сознавался.

На «крыше» тоже случались странные вещи. Однажды утром Липа нашла на столике газету со строгим и многообещающим названием «Бизнес-новости». Между газетными страницами обнаружился цветок ириса. Липа обожала ирисы: за цвет, за изысканную простоту. Она решила, что цветок в газете – это подарок от Олега. Олег любил красивые жесты, в отличие от нее он был творческой личностью и знал толк в красоте. Липа тогда так растрогалась, что не обратила внимания на одну маленькую странность: газета была свежей, а Олег не выходил этим утром из дома. Да что там выходил?! Олег еще даже не проснулся, он любил спать допоздна. И поведение мужа ее тогда не смутило, и удивленное равнодушие в ответ на ее «спасибо, любимый» не насторожило. Творческий человек, может, стесняется?.. Главное, что он подумал о ней, сделал маленький подарок. А то, что сознаваться не хочет, это не страшно. Сюрприз и должен оставаться загадочным. В общем, когда рядом был Олег, все эти странности казались милыми и вполне невинными. Но Олег ушел к своей модельке, а необычности остались.

К запаху одеколона она почти привыкла. Это с определенной натяжкой можно было списать на дефекты вентиляции. Мало ли что? Может, кто-нибудь из соседей пользуется этим парфюмом, а благодаря каким-то архитектурно-строительным дефектам запах проникает в ее квартиру. Странно, конечно, что дефекты вентиляции такие избирательные. Ведь, кроме духов, в квартире больше ничем посторонним не пах-

ло. Но, с другой стороны, она же совсем ничего не смыслит в строительстве, может, оно так и должно быть...

А потом кто-то выпил любимый Липин глинтвейн, всю бутылку, до самого доньшка. Она пришла с дежурства, а на столе – пустая бутылка и хрустальный бокал, тоже пустой, и пахнет духами. Тогда Липа не испугалась, а скорее разозлилась. Олежек! Это его рук дело, решил не мытьем так катанием выжить ее из квартиры. Думает, она такая впечатлительная идиотка, что поведется на его примитивные трюки. Приходит, понимаешь, в ее отсутствие, квартиру духами поливает, разоряет ее алкогольные запасы. Урод! И что самое обидное, он ведь глинтвейн терпеть не может. Значит, не выпил, а просто вылил, ей назло.

Первым желанием было позвонить бывшему и, не выбирая выражений, сказать все, что она думает о нем и его идиотском плане по отвоевыванию ее жилплощади, но Липа немного подумала и решила не звонить. Ну его к черту, этого великого комбинатора! Она знает, что это он, и достаточно. Предупреждена – значит вооружена. А спиртного не так и много у нее осталось, всего-то бутылка чилийского вина – можно следующий раз подсыпать слабительного. Пусть Олежек повеселится.

Липа позвонила Инге, решила поделиться планами мести. Инга идею со слабительным одобрила, Олежку она не любила едва ли не больше, чем сама Липа. Единственное, предложила не спешить, а установить за квартирой наблюдение.

На вопрос, как будет осуществляться наблюдение, сказала:

– Ну Мартьянова, ну ты ж не маленькая! Неужто шпионские боевики не смотрела? Про Джеймса Бонда там или про Борна?! Будешь уходить на работу, прицепи к двери волосок. Когда Олежек станет дверь открывать, волосок упадет.

– И что?

– То, что ты будешь совершенно точно знать, что злоумышленник проник в твою квартиру через дверь.

– Ясное дело, что через дверь, не через форточку же!

– В любом случае проверь для пущей уверенности.

– Для пущей уверенности мне нужно снять отпечатки пальцев, – усмехнулась Липа.

– Дактилоскопия – это, конечно, полезная штука, – Инга проигнорировала сарказм в ее голосе, – но нам она ничего не даст. Твой бывший успел наследить по всей квартире, так что давай лучше как Джеймс Бонд...

Липа чувствовала себя полной идиоткой, когда, уходя на дежурство, приспособливала к входной двери волосок. Волосок, кстати, еще пришлось поискать, потому как ее собственные волосы были острижены «под мальчика» и для шпионских целей не годились. Зато сгодился волосок бывшего мужа, обнаруженный на старой массажной расческе. Волосок был подходящей длины и из-за светло-русого цвета почти незаметен. «Будем бороться с врагами их же оружием», – подумала Липа, закрепляя волосок на двери. Получилось очень даже незаметно. Ну что ж, она принимает бой!

Дежурство выдалось хлопотным и заполошным: два инфаркта, три инсульта, одни роды и так, по мелочам кое-что. Липа приползла домой полумертвая от усталости, мечтающая об одном – горячей ванне и постели. Про «шпионский волос» она вспомнила в самый последний момент, когда уже взялась за дверную ручку. Волос был на месте. Значит, Олежа не приходил. Вот и замечательно, ей сегодня не до разгадывания шарад и мелких пакостей.

...В квартире отчетливо пахло мужским одеколоном.

– Спокойствие, только спокойствие, – сказала Липа сама себе, но входную дверь, на всякий случай оставила приоткрытой. Конечно, она здравомыслящая девушка и в привидения не верит, но лишняя осторожность не повредит.

Первым делом она прошла на кухню, проверила, на месте ли вино. Бутылка оказалась в шкафу, что с ней станется? Липа облегченно вздохнула – никто в ее отсутствие по квартире не шастал, а запах... Ну и что, что запах? Она же давно решила, что это дефекты вентиляции.

На всякий случай, просто чтобы окончательно успокоиться, Липа обошла всю квартиру. Ничего необычного, никаких следов постороннего присутствия. Можно со спокойной совестью закрыть входную дверь и отправиться в ванную.

Полчаса в горячей воде вернули ее к жизни. Даже спать расхотелось. Зато захотелось есть. В холодильнике было пусто, из стратегических запасов – кусок копченой колбасы, десяток яиц да пачка пельменей. Липа остановила свой вы-

бор на пельменях.

После плотного завтрака стало совсем хорошо. Для полного счастья и удовлетворения не хватало только чашечки кофе. Кофе Липа решила испить на свежем воздухе, сидя в удобном плетеном кресле, рассматривая крыши соседних домов и легкие перистые облака.

...Столик на крыше был сервирован на двоих. Французское шампанское в запотевшем серебряном ведерке, искрящиеся на солнце хрустальные бокалы, лиловые ирисы в вазе. Чашка выпала из рук, кофе больно обжег коленки, Липа взвыла.

Она кричала и не понимала, отчего кричит: от боли или от страха. Как же такое возможно?! Ни цветам, ни шампанскому, ни бокалам просто неоткуда здесь взяться. В квартиру никто не заходил – «шпионский волос» ведь был на месте. А попасть на крышу можно только из квартиры, потому что, строго говоря, это была не крыша, а огромный балкон, архитектурный выступ. Именно из-за этого выступа дом походил на двухъярусный торт, а ее квартира и есть второй ярус. Выше есть чердак и только потом настоящая, общественная крыша. Чтобы попасть с нее на балкон, нужно иметь альпинистское снаряжение и кошачью ловкость.

Липа перестала кричать, опасливо огляделась по сторонам, присела за столик, постучала ногтем по запотевшему ведерку. Ведро отозвалось мелодичным звоном. Липа тут же отдернула руку и сказала шепотом:

– Ой, мамочки. – Потом тихо всхлипнула и пошла звонить Инге.

– Отдежурила? – спросила Инга, по давней своей привычке не здороваясь.

– Отдежурила.

– А как там наши шпионские игры? Приходил этот урод?

– Не приходил.

– А ты волосок клеила?

– Волосок клеила, урод не приходил, – Липа всхлипнула, – но кто-то другой, кажется, приходил.

– Что значит «кто-то другой»?

– Волосок на месте, выходит, дверь никто не открывал. Так?

– Ну, теоретически так, я не думаю, что кто-то догадается осматривать твою дверь так уж скрупулезно.

– Вот! А в квартире все равно пахнет одеколоном!

– Ерунда! Проблемы с вентиляцией.

– А на крыше сервирован столик на двоих, все чин-чином: шампанское, цветочки. Это, по-твоему, тоже проблемы с вентиляцией?! – Липа не выдержав, сорвалась на крик.

– Стоп! Успокойся! – скомандовала Инга, терпеливо выслушав ее вопли. – Всему найдется разумное объяснение.

– Да? Тогда поищи это разумное объяснение, потому что я его не нахожу.

– Шампанское реальное?

– Реальнее не бывает.

– Цветы настоящие?

– Да.

– Ну вот! – чему-то обрадовалась Инга.

– Что – ну вот?

– Значит, мистический компонент можно сразу исключить.

– А раньше ты его не исключала? – насторожилась Липа.

– Ну, в жизни всякое бывает.

– Спасибо, утешила. Может, приедешь, переночуешь у меня?

– Сегодня? – Инга замялась. – Сегодня не могу, романтическое свидание...

– У меня тоже романтическое свидание... с призраком, – Липа невесело улыбнулась.

– Нет никаких призраков! Просто кто-то пошутил.

– Кто? Волос-то был на месте!

– Да наплюй ты на этот волос. Может, его сначала отклеили, а потом снова приклеили?

– Но ты же сама говорила...

– Мало ли что я говорила! – перебила ее Инга. – Просто это единственное разумное объяснение. Слушай меня: кто-то проникает в твою квартиру, пока тебя нет, и хозяйничает там.

– Олег?

– Не думаю, что твой бывший стал бы устраивать тебе романтическое свидание на крыше. Резонно?

– Резонно. Тогда кто?

– А ты, подруга, замки меняла?

– Нет.

– Вот тебе и ответ! С чего ты взяла, что ключи от квартиры есть только у тебя с Олежкой?

– А у кого еще?

– Ну, хотя бы у адвоката. Это же он тебе ключи дал. Коро-
че, Мартьянова, спешно меняй замки, завтра же, а еще луч-
ше прямо сегодня.

– Сегодня не получится, да и завтра тоже.

– Почему?

– Денег нет, а зарплата только в конце недели.

– С ума сойти! – застонала в трубку Инга. – И что, на чер-
ный день совсем-совсем нет?

– Ну, – Липа замялась. Вообще-то, кое-что у нее было от-
ложено, только не на черный день, а на осеннее пальто. –
Есть, – сказала она с неохотой.

– Ну, так считай, что он уже наступил.

– Кто наступил?

– Не кто, а что. Черный день.

– Думаешь, все так серьезно? – В желудке стало холодно
и щекотно.

– Думаю, что нужно срочно менять замки, пока из твоей
квартиры не начали пропадать вещи.

– Пока вещей больше прибыло, чем убыло.

В трубке послышалось многозначительное хмыканье, а

потом Инга сказала:

– Меняй замки, Мартьянова.

– Я с дежурства, устала как собака, – попыталась отвертеться Липа.

– Хорошо, не меняй. Только когда тебя ограбят, мне не звони. Я тебя предупредила. Ладно, Липа, мне действительно некогда. – В трубке послышались гудки отбоя.

Липа тяжело вздохнула. Конечно, подруга права, и оставлять старые замки в свете новых обстоятельств небезопасно, но как же не хочется этим заниматься!..

За весь день ей так и не удалось отдохнуть: сначала искала слесаря, потом вместе со слесарем – новые замки. Да не лишь бы какие, а самые дорогие и навороченные, потому что лишь бы какие в ее дверь не вставали. Слесарь провозился до вечера. В итоге Липа получила связку новых ключей в обмен на все деньги, отложенные на светлое будущее. Денег было жалко до слез, но душу грела мысль, что теперь-то уж точно без ее ведома в квартиру никто не войдет, даже Олег. Бывший, без сомнения, взбесится и устроит скандал. Ну и хрен с ним! Когда придет скандалить, она ему запасную связку и отдаст.

После ночного дежурства и безумного дня спать хотелось невыносимо. Сил не хватило даже на то, чтобы внести шампанское и цветы в квартиру. Липа уже почти уснула, когда позвонила Инга.

– Поменяла замки? – спросила она требовательно.

– Поменяла, – Липа зевнула.

– Завтра приеду, спи.

Она и уснула, как только голова коснулась подушки, и проспала до самого утра без сновидений. Разбудил ее настойчивый звонок. Еще не проснувшись окончательно, Липа схватилась за мобильник и только потом сообразила, что звонят в дверь. Со страдальческим стоном она выбралась из-под теплого одеяла, зябко ежась, потопала в прихожую открывать дверь.

– Мартьянова! Ты что это не спрашиваешь, кто пришел?! – набросилась на нее Инга. Несмотря на ранний час – всего-то половина девятого, – подруга была свежа, как утренняя роса. Липа всегда завидовала ее умению в любой ситуации, в любое время суток выглядеть на все сто. У нее самой так не получалось. Каждое утро она просыпалась помятой и растрепанной, а в тонус приходила только ближе к обеду. Инга объясняла это неприятное явление хроническим переутомлением из-за «дурацкой работы». Ночные дежурства, скользящий график, литры кофе, чтобы не свалиться с ног на полпути, ну и то, что она постоянно встречалась с человеческим горем. По мнению Инги, именно контакт с больными и страждущими наносил особенный урон Липиной энергетической оболочке, потому что она, в отличие от большинства своих старших и более опытных коллег, еще не научилась абстрагироваться и пропускала чужие страдания через себя. С теорией подруги Липа была частично соглас-

на, особенно в вопросе ночных дежурств и литров кофе, но основной причиной своей непрезентабельности считала особенности собственного организма.

– ... Мартьянова, ау! Ты спишь, что ли?

– Сплю, – Липа зевнула.

– Хватит спать, показывай!

– Что?

– Ну, новые замки я уже и сама увидела, показывай подорожки: шампанское, цветочки.

– На крыше, – Липа вяло мотнула головой в сторону детской.

Инга сбросила изящные босоножки, и Липа украдкой вздохнула. Ей таких никогда не носить. И даже не из-за их запредельной цены, а из-за высоченного каблука. Через мгновение из детской послышался удивленный голос подруги:

– Мартьянова, а он щедрый парень!

– Кто? – Липа влезла в тапки, набросила поверх пижамы халат.

– Да призрак твой! Шампанское за сто пятьдесят евро за бутылку – это красивый жест.

Липа вышла на крышу, забрала у подруги пузатую бутылку, повертела и так и этак.

– Сто пятьдесят евро? – переспросила недоверчиво.

– Вот те крест! Я недавно в винном магазинчике была, видела точно такое шампанское. – Инга радостно улыбнулась, скомандовала: – Замораживай!

– Зачем? – Липа поставила бутылку обратно в ведерко. Лед давно растаял, превратился в воду, и бутылка издала неприятный булькающий звук.

– Будем замачивать твои новые замки.

– Шампанским?

– Шампанским.

– В девять утра?

– А что? Ты тоже считаешь, что шампанское по утрам пьют только аристократы и дегенераты?

– Я бы его вообще выбросила, – сказала Липа задумчиво.

– Ты что, Мартьянова?! – Инга выхватила бутылку из ведерка, точно опасалась, что Липа и в самом деле осуществит свою угрозу. – Подумай – сто пятьдесят евро!

– Подумала, – Липа покладисто кивнула.

– И что?

– Может, шампанское можно сдать обратно?

– Кому – призраку?

– Нет, в магазин, сто пятьдесят евро мне бы не помешали.

– Ну, если у тебя сохранился чек, – Инга ехидно усмехнулась. – Не дури, Мартьянова. Пьем сами! – Подруга направилась на кухню. – У тебя покушать что-нибудь есть?

– Только яйца и колбаса.

– Значит яичница, – заключила Инга.

– Яичница под французское шампанское – это круто, – проворчала Липа.

– Нет, яичница отдельно, шампанское отдельно. У меня с

собой шоколадка в сумочке.

Шампанское Липу не впечатлило, ну ни капельки! Кислое до оскомины. То ли дело наше «Советское». А Инга обозвала ее «деревней», сказала, что у настоящего породистого шампанского вкус именно такой, с благородной кислинкой. Они посидели еще часик-другой, поболтали, и подруга засобиравшись домой.

– Сегодня Анфиса с дачи возвращается, а у меня дома бардак. Будет ругаться, нервничать, а ей нельзя.

– Как она?

На мгновение лицо Инги стало сосредоточенно-серьезным:

– Не хотела раньше рассказывать, боялась сглазить. Анфиса на днях отправляется в Германию. Мы уже с кардиологическим центром списались, – она неуверенно улыбнулась.

– А деньги? – почему-то шепотом спросила Липа. Она примерно представляла, сколько стоит операция на сердце, и знала, что у Инги и Анфисы Петровны таких денег не было.

– Нашли деньги. Я консультировала одного бизнесмена со сложной жизненной ситуацией. Сложная жизненная ситуация моими стараниями уступила место ярко выраженной филантропии, – Инга широко улыбнулась. – Он взял на себя все финансовые расходы.

– Здорово! – Липа обняла подругу. – Когда, ты говоришь, Анфиса Петровна уезжает?

– На следующей неделе, пожелай нам удачи, Мартьянова!

– Удачи! Ты тоже поедешь?

– Да, меня тоже спонсировали. Так что беру отпуск и тютю...

* * *

Тим провалялся на больничной койке больше недели. Толстяк Коляныч не обманул, оплатил лечение. Тим все надеялся, что он его навестит, расскажет поподробнее о своем загадочном предложении, но Коляныч не пришел, наверное, не посчитал нужным. Достаточно и того, что он спас Тиму жизнь, неважно, что небескорыстно. Восемьсот долларов в обмен на жизнь – смешная сумма.

Рана зажила, но на правом боку остался некрасивый шрам. Где-то в глубине души Тим даже радовался этому шраму. В будущем, когда он решит, что уже можно возвращаться домой, шрам будет немым, но очень красноречивым доказательством его героического прошлого. Она увидит шрам и поймет, что Тим вовсе не глупый мальчишка, а самый настоящий мужик, прошедший полмира в поисках приключений, испытывавший удары судьбы на собственной шкуре. И тогда она обязательно решит, что была не права, и попросит прощения. А он снисходительно усмехнется и скажет: «Все в порядке, детка».

Это Тим так мечтал, а в реальной жизни с ним не случилось ничего героического или хотя бы интересного. Он да-

же в карты перестал играть. С одной стороны, боялся спугнуть удачу слишком частыми к ней обращениями, а с другой, не хотел повторения давешнего инцидента. В бар он теперь приходил только затем, чтобы посидеть за бокалом пива, послушать европейские новости да подумать. Думал теперь Тим очень часто. В основном о том, что жизнь не сложилась. Вот, казалось бы, он все сделал, чтобы самоутвердиться, доказать себе и окружающим, что он не пустое место, а тоже кое-чего стоит. Вот в Африку прилетел как настоящий авантюрист. И что? А ничего! Сидит он в своей Африке, а на душе кошки скребутся, и засаленная бумажка с адресом Коляныча не дает покоя. Тим теперь с этой бумажкой не расставался, всюду таскал за собой, перекладывал из одного кармана в другой. Он уже и адрес выучил наизусть, и даже сходил однажды к дому Коляныча, просто так, с ознакомительной целью. А вот решиться на последний шаг все никак не мог.

Коляныч обещал приключения и немного криминала. Тим хотел приключений и боялся криминала. Прав был отец, когда называл его бесхребетной тварью. Ни на что-то он, Тимофей Чернов, не годится. Можно паковать вещи и валить из Африки ко всем чертям. Он уже все себе доказал, все про себя понял. Он тварь бесхребетная, и от изменения географического положения суть не меняется.

В тот день, когда Тим, наконец, все это осознал, он решил напиться. И не пионерским пивом, а самой что ни на

есть взрослой водкой, чтобы хоть на прощание, хоть под самый конец почувствовать себя настоящим мужиком. А потом можно будет начинать паковать вещи...

Он почувствовал себя мужчиной, осилив половину бутылки. Странное и новое чувство бесшабашной радости ему понравилось, а недавние душевные терзания показались вдруг надуманными и незначительными. Захотелось подвигов и приключений. Вот прямо сейчас!..

Тим шел по тихим запутанным улочкам спящего города, время от времени останавливался, чтобы сделать глоток из бутылки, прихваченной из бара, радостно улыбался и думал, что жизнь, в общем-то, не такая уж и плохая штука. Особенно если смотреть на нее через призму пустой бутылки.

Он пошел этой дорогой совершенно осознанно. По крайней мере, специально не выбирал. Просто как-то само собой получилось, что ноги принесли его к дому Коляныча. Дом был добротный, огороженный высоким каменным забором. В заборе имелась железная дверь. Тим дернул за ручку – заперто. Почему заперто?! Коляныч сказал: «Приходи, когда надумаешь». Вот, он надумал и пришел. И уходить отсюда не собирается. Ни за что!

Железная дверь противно громыкала и лязгала под ударами его ботинка. В округе проснулись и залаяли собаки, слышались возмущенные людские голоса. Тим устал барабанить в дверь и решил передохнуть. Он прислонился плечом к двери и сделал глоток из бутылки. Оказалось, что водка

закончилась, и настоящий мужчина в Тимовой душе возмутился: «Водки нет, калитка заперта, что за...» Додумать он не успел – дверь внезапно подалась, и Тим стал заваливаться в открывшийся проем. Он бы упал, обязательно упал, если бы кто-то невидимый не ухватил его за шиворот и не втащил во двор.

– Что ты орешь?! – человек говорил по-русски с сильным акцентом.

– Я не ору, я за приключениями! – Тим попытался вывернуться из цепких лап незнакомца, разговаривать с пустотой ему не нравилось, захотелось заглянуть в глаза нахалу, посмевавшему хватать его за шкурку, как несмышленного котенка. – Пусти!

Его отпустили. Стальные пальцы разжались, и Тим с совсем не мужественным воплем рухнул на твердую, как камень, землю.

– Ну? – над ним склонилась улыбка, такая, как у Чеширского кота из Зазеркалья. Улыбка была, а человека не было. На него напал человек-невидимка. Тим зажмурился.

– Ну? – еще раз повторил человек-невидимка. – Чего разлегся?

Тим приоткрыл один глаз и вздохнул с облегчением. Оказывается, на него напал не невидимка, а самый обыкновенный абориген. На черном, как сажа, лице отчетливо выделялись лишь белые зубы. Вот тебе и Чеширский кот. Правда, немного смущало, что абориген говорил на вполне сносном

русском, но это уже мелочи.

– Я к Колянычу по делу. – Тим сел, нашарил в кармане брюк бумажку с адресом, сунул аборигену. – Вот, он меня приглашал на работу.

В темноте раздался хриплый смех. Что такого веселого он сказал?

– А ты, Тим, не только счастливчик, но еще и нахал, – над ним склонился Коляныч. – Ассан, это тот мальчишка, которого мы спасли месяц назад.

– Лучше бы не спасали, – проворчал Ассан, и Тим ужасно оскорбился – как это, «лучше бы не спасали»?! – Очень шумный мальчишка, весь район перебудил.

– Я не шумный, я настойчивый, – Тим икнул, – я на работу пришел устраиваться. Коляныч меня приглашал.

– Ты еще скажи, что уговаривал. – Толстяк с кряхтением встал, одернул безразмерные брюки.

– Не уговаривал, но работу предлагал. Вот, я согласен! – Тим тоже поднялся на ноги, как-то невежливо сидеть, когда собеседники стоят. Земля предательски качнулась, если бы не абориген Ассан, ловко ухвативший его за руку, Тим бы непременно снова упал.

– Давай-ка затащим в дом этого работничка. – Коляныч, коротко хохотнув, схватил Тима за другую руку.

Устала, черт, как же она устала! А еще ползти на пятый этаж. Липа плюхнулась на скамейку перед подъездом, вытянула перед собой ноги. Все, несколько минут отдыха перед финальным рывком.

Что-то ей последнее время не везло с дежурствами. Ночки пошли одна хуже другой, не то что подремать, присесть некогда. А еще Васька в отпуск ушел, и вместо него им дали Григорьевича, противного, ворчливого мужика, как раз из той неприятной породы людей, которые любят раздавать ценные указания, но ни за что на свете не помогут. Мало того, что Липа вдвоем с фельдшером Леночкой таскали на своих хрупких плечах «неходячих» больных, так им еще приходилось выслушивать брюзжание Григорьевича и дышать его ядреным, жесточайшим самосадом, без которого тот жизни своей не мыслил. В итоге к концу дежурства Липа, устав как собака, чувствовала себя злой и разбитой, а ее одежда и волосы провоняли сигаретным дымом. Душу грел только один-единственный факт – впереди два выходных, можно отдохнуть и отоспаться. И забыть противного Григорьевича, как страшный сон. Хотя по-хорошему надо было не забывать, а набраться наглости и высказать вредному дядьке все, что она о нем думает. Инга бы ни за что не промолчала, и она не станет, вот только немного отдохнет. Вставать с нагретой солн-

цем скамейки не хотелось, пришлось делать над собой усилие.

...В квартире пахло одеколоном. Уже до боли знакомый запах мгновенно перебил дурман самосада, по спине пробежал холодок.

«Я же сменила замки», – лениво, точно нехотя вползла в голову мысль. «Это всего лишь дефект вентиляции», – вторая мысль была понаглее и поэнергичнее первой. Липа сделала глубокий вдох, оттолкнулась от дверного косяка, осторожно, точно по минному полю, прошла в гостиную. Ничего, все как обычно. В кухне, кабинете, детской и на крыше тоже ничего подозрительного. Липа истерично хихикнула. Паранойя! Не спала сутки, надышалась термоядерным самосадом, вот и мерещится черт-те что.

Порог спальни она переступила с легким сердцем, а потом сердце нервно дернулось и подпрыгнуло к горлу. Чтобы не закричать, Липа зажала рот руками.

...Это лежало на кровати – жемчужно-пепельное атласное платье и венок из белых лилий. На полупрозрачных лепестках поблескивала роса.

– Мамочки, – прошептала Липа, бочком подошла к кровати, самыми кончиками пальцев прикоснулась к платью. Ткань оказалась холодной и скользкой на ощупь, как лягушачья кожа. Липа отдернула руку, всхлипнула, усилием воли подавила острое и назойливое, как зуд, желание убежать.

Что же это?! Как такое может быть? Она же сменила зам-

ки, и ключи от квартиры есть теперь только у нее одной. Липа присела на край кровати, настороженно покосилась на платье. Что теперь делать с этим странным подарочком? Это же подарок?.. Ей достался очень галантный призрак. И вкус у него неплохой, только несколько архаичный, платье кроме больше напоминало средневековый наряд какой-нибудь знатной европейской дамы, чем современный вечерний наряд. Плотный лиф, глубокий вырез, длинные рукава, расширяющиеся книзу. И венок из лилий... Нет, этот прикид ей не подойдет. Извини, призрак. Такое платье может украсить хрупкую блондинку с длинными волосами и фиалковыми глазами, но никак не смуглую брюнетку со стрижкой «под мальчика». Липа криво усмехнулась, смахнула с полупрозрачного лепестка росинку. Нет, определенно на роль Офелии она не годится, но примерить-то можно...

Она сама испугалась этой бесшабашной мысли. Какие примерки?! Она ни за что на свете не наденет средневековое платье, поразительно смахивающее на подвенечное, оставленное ей не то призраком, не то сумасшедшим. Но ведь поискать на платье бирочки и ярлычки можно? Так она сможет хоть что-нибудь узнать. Смелее!

Никаких ярлычков Липа не нашла. Значит, сшита эта средневековая вещь не на фабрике, и подарок, можно сказать, эксклюзивный. Какая прелесть...

А все-таки она платьице примерит. Хотя бы для тренировки силы воли.

Руки дрожали, а зубы клацали, но Липа, пересилив страх и легкую брезгливость, надела платье, подумала немного и примерила венок из лилий. Придерживая шуршащий подол, она подошла к зеркалу. Зеркало отразило чудесную картину – тощая девица с нелепо торчащими из-под венка короткими волосами, с лицом, бледным до синевы и перекошенным от страха. Девица нервно теребила подол роскошного атласного платья и улыбалась улыбкой олигофренки.

– Класс! – сказала Липа и хихикнула. – Ничего себе Офелия!

В общем, платье сидело идеально, но не шло Липе категорически. Да и на шекспировскую героиню она была похожа не так чтобы очень. Скорее уж на паненку из гоголевского «Вия». Вот бы еще волосы подлиннее, и можно бронировать место в гробу...

Лилии пахли болотом, Липа поморщилась, сдернула с головы венок, зашвырнула его в дальний угол спальни, пригладила растрепавшиеся волосы. А может, и не растрепавшиеся вовсе, а просто ставшие дыбом от ужаса...

Что, черт возьми, на нее нашло? Ей бы бежать без оглядки, вызывать МЧС, милицию и охотников за привидениями, а она напялила дурацкое платье и любитесь своим не менее дурацким отражением.

– Кофе! – сказала Липа нарочито громко. – Всем спасибо, а я пошла пить кофе! – И, не снимая «средневекового» платья, прошлепала на кухню.

Она всегда так делала, когда ей было плохо или страшно, – литрами пила кофе, очень крепкий и обязательно сладкий. Олежек называл ее пристрастие к сладкому кофе плембейским и прогнозировал ей в самом скором времени сахарный диабет. А Инга считала, что глюкоза улучшает мыслительные процессы и в некритических дозах очень даже полезна. Липа была с ней полностью согласна, особенно сегодня. Сегодня ее мыслительные процессы нуждались в дополнительной стимуляции как никогда. Она смотрела на поднимающуюся в турке рыжую пенку и думала, думала...

В ее квартире побывал кто-то посторонний – это неоспоримый факт. Платыце, которое она так и не удосужилась снять, лучшее тому подтверждение. Попастъ внутрь через дверь этот кто-то не имел возможности, потому что она сменяла замки. Спуститься с крыши мог, но только чисто теоретически. Но, даже спустись он с крыши, ему бы все равно не удалось попать внутрь – дверь, ведущая на ее «персональную» крышу, закрыта изнутри. То есть что получается? Получается, что ночной визитер – не человек...

Липа перелила готовый кофе в чашку, положила в него две чайные ложки сахара, подумала и добавила третью, для пущей стимуляции мыслительного процесса. Ну, кто же это? Призрак? Барабашка? Дух покойного хозяина квартиры? Кстати, она ведь так и не узнала, от кого и за какие заслуги ей досталась квартира. Попробовала разузнать у соседей, но соседи оказались какими-то странными, нелюдимыми и

необщительными. Они знать ничего не знали и ведать не ведали и смотрели на Липу косо и настороженно. Для них, зажиточных и буржуазных, она была точно инопланетянкой.

Липа сделала глоток, обожглась, поморщилась. Чуть! Никакой это не призрак и не дух. Все его подарочки очень даже реальны. Шампанское за сто пятьдесят евро, платице, венок – все это дело рук человеческих. Знать бы только чьих...

А может, это какой-нибудь медвежатник, специалист по замкам? Такому, наверное, раз плюнуть вскрыть ее квартиру. Благо, пятый этаж, никаких любопытных соседей рядом, никто не помешает. Липа подула на кофе, сделала осторожный глоток.

Если это и медвежатник, то какой-то неправильный. Обычно медвежатники выносят из квартир все ценное, а этот приносит подарки. Может, влюбился?.. Эта мысль показалась такой смешной и нелепой, что Липа поперхнулась. Влюбленный медвежатник, конечно, очень романтично, но это скорее из другой оперы. Нынче за девушками таким изысканным способом ухаживать не принято. Нынче кавалеры измельчали, венка из лилий от них не дождешься. По всему получалось, что в своих рассуждениях она вернулась к тому, с чего начала. Она не знает, кто и каким образом проник в ее жилище. Не знает, что означают все эти странные подарки и что ей с ними делать. И, самое главное, ей некуда идти, негде спрятаться от чертовщины, творящейся в ее квартире. А впереди – ночь...

От мысли о наступающей ночи стало страшно до дрожи в коленках. Если для загадочного визитера ни двери, ни окна, ни стены не являются преградой, то получается, что в собственном доме она не может чувствовать себя в безопасности...

Кофе вдруг стал горьким, как осина. Липу замутило. Да, попала она в переplet! Инга в Германии, на нее рассчитывать не приходится. Васька в отпуске, где-то на Алтае. Хотя иди просись на постой к бывшему. То-то он обрадуется! Особенно после ее недавнего заявления. Нет, к бывшему никак нельзя, даже думать об этом смешно. А больше у нее никого нет. И даже денег, чтобы переночевать в гостинице, тоже нет. Хочешь не хочешь, а придется оставаться на ночь дома. Но она не так проста, она уже придумала, как защититься. Допустим, что предполагаемый злодей играючи справляется с замками, а как насчет засова? Липа выбежала в прихожую, высыпала содержимое сумочки на пол, выудила из кучи полезных и не очень вещей клочок бумаги с телефоном слесаря.

...Засов, конечно, не придавал двери изящества, зато выглядел успокаивающе и внушительно. С таким не справится ни один взломщик. Теперь можно спать спокойно и не бояться, что в любой момент в квартиру может вломиться посторонний. Плохо одно – засов закрывается только изнутри, то есть от посягательств извне он защитит, а вот квартира в отсутствие хозяйки по-прежнему остается лакомым кусоч-

ком для злоумышленника. С этим обязательно нужно будет что-то делать, но не сейчас. Пока достаточно того, что ночью ее никто не потревожит и можно будет, наконец, отоспаться. Спать Липе хотелось нестерпимо, глаза закрывались сами собой, даже две большие чашки кофе не спасали. Впрочем, ничего удивительного – вторые сутки без сна, а времени, между прочим, уже половина седьмого вечера, потому что на поиски и уговоры слесаря ушло больше трех часов, еще столько же Липа потратила на покупку подходящего засова и поощрительного приза в виде бутылки водки для слесаря. Сама же установка засова – слава тебе господи! – заняла всего тридцать минут. Все, теперь можно с более или менее легким сердцем идти спать.

...В замке было сыро и холодно – покрытые вековой плесенью каменные стены не могли удержать тепло. Даже огромный камин оказался не в силах обогреть обеденную залу. Босые ноги замерзли, жемчужно-пепельное атласное платье не грело, льнуло к продрогшему телу скользкой лягушачьей кожей. Липа сидела за обеденным столом, таким длинным, что противоположный его конец утопал в сумерках. В громоздком серебряном кубке отражались языки пламени, вино в нем было густое, как кровь, и так же, как кровь, оставляло на губах горько-соленый металлический привкус. Липу мучила жажда. Если бы не жажда, она бы ни за что не прикоснулась к кубку.

– ...Я рад, что ты приняла мои дары, – человек, сидящий на противоположном конце стола, поднял свой кубок. – Это очень важно.

Липа не видела его лица – слишком мало света, – но к холоду уже давно присоединился страх. Страх ласкал босые ноги, венком из лилий стискивал виски, ручейками болотной воды стекал за ворот атласного платья.

– Ты согласна? – В голосе хозяина замка слышались требовательные нотки.

Она не знала, на что должна дать свое согласие. Ей было холодно и страшно. И очень хотелось пить – похожее на кровь вино не утоляло жажду.

– Ты согласна? – Человек медленно встал из-за стола, потянулся за кованым подсвечником.

Страх оплел шею, перекрыл кислород. Она не хотела видеть лицо незнакомца, не хотела смотреть в его глаза. Ее не должно быть здесь, в этом стылом замке с полуистлевшими гобеленами и гулким эхом. Она должна находиться в другом месте. Вспомнить бы только, в каком...

Может, если очень сильно зажмуриться, все закончится?..
Надо попытаться...

...Тяжелые шаги приближались, лицо обдало холодом. Теперь она знала, почему здесь так холодно, это из-за хозяина замка.

– Открой глаза! – Этому голосу было невозможно сопротивляться, и она подчинилась...

Вино в бокале замерзло, лилии подернулись инеем, а из рта вырывались сизые облачка пара.

– Посмотри на меня!

Голос-хозяин, голос-магнит. У нее нет сил послушаться... Облачко зазвенело, просыпавшись на стол ледяной пылью.

– Посмотри!!!

И она посмотрела...

Ее крик метался под сводами зала, как пойманная птица. От крика щели в вековых стенах становились все шире. Он погасил огонь в камине и смел со стола посуду. Лучше бы она не видела...

...Липа проснулась от собственного вопля, рывком села и тут же схватилась за раскалывающуюся от адской боли голову.

– Это всего лишь сон, – сказала, не открывая глаз. – Дурной сон, ничего сверхъестественного.

По ногам тянуло сыростью и холодом. Липа открыла глаза и закричала...

На ней было то самое атласное платье. Платье промокло от пота и липло к телу. Липа всхлипнула. Вчера вечером она ложилась спать в пижаме, банальной пижаме, белой в красный горошек...

Вчера в ее спальне не пахло духами...

Вчера ее кровать не была усыпана черными, как запекшаяся кровь, лепестками роз...

– Господи, господи, господи...

Липа сползла с кровати, черное облако лепестков спланировало на пол, густой воздух всколыхнулся.

– Спокойствие, только спокойствие... – Она сорвала с себя платье, отшвырнула к окну. Атлас зашуршал, точно сброшенная змеиная кожа. – Всему найдется разумное объяснение. – Она достала из шкафа первую попавшуюся под руку вещь – растянутую, вылинявшую футболку, прижалась щекой к пахнувшей кондиционером для белья ткани, сделала глубокий вдох, натянула футболку. На душе сразу полегчало, точно это и не футболка вовсе, а, как минимум, бронжилет. Косясь на платье, Липа вышла из спальни.

Холодом и сыростью тянуло из детской, дверь, ведущая на крышу была распахнута настежь, снаружи моросил дождь. Она точно помнила, что перед тем, как лечь спать, проверила все замки – дверь была закрыта...

Засов! Надо проверить засов.

Засов оказался закрыт. На всякий случай Липа подергала за дверную ручку. Все надежно, все хорошо...

Хорошо... Тихо поскуливая, она сползла на пол и обхватила руками голые колени.

Вот и приплыли! Вот и здравствуйте! На дворе двадцать первый век, а в ее квартире обитает влюбленный призрак... Он дарит ей подарки, усыпает спальню лепестками роз и рядит ее в дурацкое «средневековое» платье.

Но как же такое возможно?! Почему она не проснулась?

Почему позволила чужим рукам, пусть даже и призрачным, лапать себя? Сумасшедший дом! Липа уже почти поверила в потусторонние силы. Осталось только понять, чего хочет от нее призрак, и можно спокойно жить дальше... Липа нервно хихикнула, смех болью отозвался в черепной коробке, к горлу подкатил колючий ком.

Пить! Она еще во сне хотела пить, а сейчас уже почти умирает от жажды. Два стакана холодной воды привели ее в чувство. Теперь можно попытаться разобраться в произошедшем. В ее доме творятся странные вещи. И все эти странности имеют к ней непосредственное отношение. К ней, а еще к этой квартире. Ведь до того, как она переехала сюда, ничего особенного в ее жизни не происходило, мелкие неприятности не в счет. От нее чего-то хотят. Вот только чего? Липа подняла глаза к потолку, спросила отчаянно и зло одновременно:

– Что тебе от меня нужно?

Если бы ей ответили, она бы, пожалуй, уже не удивилась, но все было тихо. Хоть маленькое, а все же утешение. Есть надежда, что это сумасшествие обратимое. Кстати, о сумасшествии – а что, если квартира, и взломщики, и призраки ни при чем? Что, если она просто тихо-мирно сходит с ума? Говорят, у шизофреников очень яркие и реалистичные сны. Ее сегодняшний сон просто апофеоз реалистичности, она даже платье из него вынесла. А может, платье тоже всего лишь плод больного воображения?..

Стоп! Шампанское было самым что ни на есть настоящим, и серебряное ведро у нее сохранилось. К тому же шампанское видела Инга, а уж у нее-то с головой точно полный порядок. Ох, как не вовремя она уехала, как же не хватает ее расчетливо-циничного взгляда на вещи. Инга бы быстро разложила все по полочкам и любой чертовщине нашла бы разумное объяснение. Но подруги нет, и придется расхлебывать все самостоятельно. Ничего, она сильная, хоть и трусливая. Сейчас попьет кофе, примет душ и начнет расхлебывать. Нет, сначала надо проверить кое-что.

Ведро для льда в шкафчике не было. То есть еще вчера оно стояло, а сегодня уже нет. Или это ей только казалось...

Все, с нее хватит! Кофе!

Вопреки ожиданиям, после чашки кофе не полегчало, и туман в голове не рассеялся. Зато Липу посетила одна не слишком здравая, но действенная мысль. А что, если предположить, что потусторонний мир есть на самом деле? Отбросить сарказм и здравый смысл и принять существование призраков как данность. Дом, в котором она сейчас живет, старый. Ему лет сто, а то и больше. У такого дома обязательно должна быть история. Может, если копнуть поглубже, и отыщется хоть один завалящийся призрак?

Липа еще не понимала, что может дать ей такого рода информация, но уже твердо решила «копнуть поглубже». Тут, в квартале от дома, есть интернет-кафе. После завтрака можно будет прочесать Интернет, а пока нужно прибраться.

Возвращаться в спальню не хотелось, но Липа себя заставила. Привидение за собой не уберет, значит, придется самой. Платье она аккуратно сложила, а затем без малейшего сожаления выбросила в мусорное ведро. Пропылесосила пол, перестелила кровать. С чувством исполненного долга вышла на крышу подышать свежим воздухом.

На крыше было прохладно и сыро, с затянутого тяжелыми тучами неба сыпал мелкий дождик, на мокром столике что-то тускло поблескивало. Подходить к столику и смотреть, что это такое, было страшно. Из-за тумана в голове окружающие предметы двоились и плавали – наверное, у нее рухнуло давление. Так часто случалось, особенно в пасмурную погоду. Липа относила себя к категории метеочувствительных граждан и от смены погоды страдала очень жестоко. Может, сначала пойти прилечь, и ну его к черту, это блестящее?..

Идея была заманчивой, но она взяла себя в руки, сделала решительный шаг в сторону столика.

Это было кольцо из затейливо переплетенных серебряных змеек. Змейки казались живыми, наверное, из-за игры света и теней на лоснящихся чешуйчатых боках, может, из-за рубиново-красных глаз. Колье выглядело одновременно красиво и жутко. Надеть такое сомнительное украшение на шею Липа бы не рискнула. Его даже в руки брать было страшно. Страх этот, скорее всего, проистекал из глубинной и очень давней неприязни людей ко всякого рода ползучим тварям.

Осторожно, двумя пальцами, Липа подняла кольцо, вер-

нулась с ним на кухню, положила на стол. Колье не производило впечатления дешевой безделушки, которую можно купить в любой галантерейной лавке. Наоборот, оно казалось достаточно дорогим и старым, если вообще не антикварным. Липа поискала застежку. Замком служила голова одной из змеек, при нажатии на нее кольцо раскрывалось с тихим щелчком.

«Точно ошейник», – подумала Липа и поднесла украшение к глазам. На брюшке одной из змеек была едва различимая гравировка. Чтобы рассмотреть ее, Липе пришлось напирать зрение.

«Ты избрана». Слово больно кольнуло в висок, Липа отшвырнула кольцо.

Кто избран? Кем избран? Для чего избран?

Еще один подарочек?! Хватит уже с нее подарочков! Сыта по горло! И этот ошейник из железных змей она ни за что не наденет. Уж извини, дорогой призрак! И вообще, у нее дела, ей еще в интернет-кафе нужно...

Стараясь больше не касаться кольца, Липа завернула его в полотенце, сунула в кухонный шкафчик. Выбросить, как платье, почему-то не рискнула. Торопливо оделась и, прихватив с собой мусорный пакет, выскочила из квартиры.

В кафе было малоллюдно. Ничего удивительного для утра буднего дня. Липа заказала чашку кофе, углубилась в поиски.

Через полчаса стало совершенно очевидно, что время по-

трачено впустую. Про дом удалось узнать совсем немного. Только то, что построен он был в середине девятнадцатого века архитектором Гусевым и за архитектурные излишества в виде барельефов и лепнины был прозван в народе «пирогом». За всю свою долгую жизнь дом ничем особенным не выделялся, люди в нем обитали самые что ни на есть заурядные. Только в начале двадцатого века в мансарде – по всей вероятности, так на французский манер именовалась нынешняя Липина квартира – произошло происшествие. Царской охранкой была задержана преступная группа бомбистов во главе с хозяином квартиры студентом А.В. Цыплаковым. Бомбисты готовились к покушению, да не лишь бы на кого, а на самого московского губернатора, и если бы не бдительность слуг правопорядка, неизвестно, чем бы вся эта история закончилась. А так, злоумышленников заключили под стражу. Главаря и зачинщика А.В. Цыплакова казнили, а остальных сослали на каторгу. Вот так: грустно, поучительно и, увы, малоинформативно. В то, что ее задаривает подарками призрак студента-бомбиста, верилось с трудом. Похоже, ищет она не в том месте.

* * *

Тим проснулся от головной боли и тошноты, открыл глаза и тут же зажмурился от немилосердно яркого африканского солнца. Откуда в его комнате солнце?.. Мысли в голове толк-

лись ленивые, неповоротливые и бессвязные. Наверное, из-за боли они были такими нежизнеспособными, точно сильно недоношенные дети. От странных ассоциаций тошнота стала нестерпимой, с мученическим стоном Тим перекатился на живот, свесил голову с кровати и с облегчением, граничащим с эйфорией, расстался с содержимым желудка.

– А ведь Ассан оказался прав, – слышался откуда-то сверху смутно знакомый зычный голос. – Сказал, что нельзя тебе в доме стелить, что ты там все изгадишь. Хочешь пить?

Пить? Да, да, конечно! Он очень хотел пить. От мыслей о колодезно-холодной воде рот тут же наполнился слюной. Тим сплюнул – что уж теперь, когда он и так уже все изгадил! – открыл глаза и предпринял безуспешную попытку придать своему телу вертикальное положение. Тело слушаться отказывалось и то и дело норовило завалиться на бок.

– Лежи уж, алкоголик-самоучка, – сказал все тот же голос. – Вот тебе вода. – На пузо Тима лег двухлитровый пластиковый баллон. От его прохладной тяжести в животе заурчало. Не без труда отвинтив крышку, Тим сделал жадный глоток. Вода была такой холодной, что свело челюсти, но он не остановился, пока не осушил половину баллона, а оставшуюся часть, не раздумывая, вылил на гудящую голову. От холода тут же встрепенулся, взбодрился, пофыркал и, наконец, окончательно разлепил глаза.

Что за черт?! Он лежал на раскладушке под рваным брезентовым навесом, в прорехи которого нагло лезли солнеч-

ные лучи. Рядом с раскладушкой растекалась несимпатичная лужа, смотреть на которую было очень неприятно. Тим и не стал смотреть, виновато-застенчиво улыбнулся и перевел взгляд на заросшие густой рыжей шерстью ноги. Где-то на уровне коленей ноги перешли в безразмерные шорты цвета хаки. Шорты плотно обтягивали массивные ляжки и удерживались на внушительном пузе полосатыми подтяжками. Выше смотреть Тим не стал. Во-первых, потому что и так уже догадался, кому принадлежат ноги, пузо и подтяжки, а во-вторых, потому что в запрокинутом состоянии голова кружилась невероятно.

– Оклемался? – спросил Колянныч и коротко хохотнул, пузо тут же всколыхнулось и пошло волнами, полосатые подтяжки натянулись до предела. Тим испугался, что они сейчас лопнут, но подтяжки выдержали.

– Где это я? – промычал он, сжимая раскалывающуюся голову руками.

– Ты там, куда пришел, Счастливчик.

– А куда я пришел?

– Ко мне домой.

– Да?

Его искреннее удивление, похоже, очень порадовало Колянныча, необъятное пузо снова заколыхалось от смеха.

– Ты приперся ночью, пьяный в хлам, и перебудил полрайона.

– Я?!

– Ты! Требовал приключений и этих, как их, авантюр!

– А вы?

– А что мы? Ассан предлагал тебя расчленить и съесть, а я решил дожждаться, когда ты проспишься.

– Съесть? – В воспаленном мозгу точно электрической лампочкой вспыхнула хищная белозубая улыбка. Улыбка была, а лица не было...

– Да, Ассан очень не любит суетливых людей. Из-за них он становится злым и неуправляемым. Так что можешь считать, что я спас тебя во второй раз, Счастливчик.

– А он кто? – Тим хотел было встать, но с жалобным стоном рухнул обратно на скрипучую раскладушку – ноги не держали.

– Ассан мой компаньон. Здесь очень полезно иметь надежного человека из местных.

– Он говорит по-русски?

– Говорит, говорит. У него за плечами институт имени Патриса Лумумбы. Попробуй, не заговори. Ну, как ты себя чувствуешь, Счастливчик?

Тим хотел сказать «нормально», но сказал «ужасно». Коляныч сочувственно закивал головой, а потом вдруг заорал во всю глотку:

– Ассан! Неси свое адское зелье, мальчишка проснулся!

Почти тут же на крыльцо дома вышел давешний негр. В отличие от своих соплеменников, он оказался довольно светлокожим и необычайно высоким, ростом не ниже Тима. А

у Тима рост был без малого метр девяносто. В руках Ассан держал дымящуюся чашку.

– Пей, – он поставил чашку на землю у ног Тима.

– Пей, – Коляныч почесал пузо, – это лекарство. Не бойся, не отравим. Ты нам, Счастливчик, нужен живым.

Адское зелье на вкус оказалось довольно приятным: в меру горьким, в меру терпким. Оно тут же разлилось по телу теплой волной.

– Что это было? – спросил Тим, ставя чашку на место.

– Да так, местный аналог нашего рассола, – Коляныч небрежно махнул рукой, – немного ослиной мочи, толченые скорпионы, желчь бабуина и...

Договорить он не успел. Тим с громким стоном сложился пополам, и адское зелье, проделав обратный путь из его желудка, выплеснулось прямо на сандалии Ассана. Коляныч радостно заржал, а Тим втянул голову в плечи, ожидая неминуемой расплаты за испорченные сандалии, но Ассан лишь раздраженно поморщился и сказал:

– Коляныч, ты все испортил. Хорошо, что я сварил много. – Потом он перевел взгляд на Тима, и его жесткое лицо неожиданно расплылось в мальчишеской улыбке: – Не верь этому пройдохе. Тут, – он кивнул на чашку, – нет никаких скорпионов и желчи бабуина. Тут специальная трава.

– И ослиная моча, – ввернул Коляныч.

– Очень немного, – невозмутимо парировал Ассан, – совсем чуть-чуть. Ну что, Счастливчик, принести тебе еще?

Несмотря на головокружение, Тим энергично затряс головой – пить ослиную мочу, даже в терапевтических дозах, не хотелось.

– Ну, как знаешь, – Ассан пожал плечами, – я хотел по-мочь.

– Мне уже лучше.

– Вот и я вижу, что лучше, – усмехнулся Коляныч, – морда зеленая, что у того крокодила. Ладно, хлопец, – он хлопнул себя по ляжкам, – сегодня я тебя домой отвезу, а завтра приходи, побалакаем о твоей новой работе. Не передумал еще?

Тим покачал головой. Раз уж решился на приключения, так надо идти до конца.

– Ну, так вставай! Нечего расслаживаться! У меня сегодня еще дел полно.

Машина у Коляныча оказалась классная – джип, похожий на военный.

– Ты мне, главное, салон не обгадь, – предупредил он, протискиваясь за руль. – Мне эту тачку продавать на следующей неделе.

Тим пообещал, что ничего такого не случится, что ситуация под контролем, да, видать, погорячился. Если бы знал заранее, как водит Коляныч, вообще никогда бы не сел в этот чертов джип. Коляныч лихачил. И это еще мягко сказано. Коляныч вел автомобиль так, словно на дороге он был один. Тим устал пугаться и группироваться уже на пятой минуте езды, а на шестой взмолился о пощаде. Дальше ехали уже

потиху, хотя по раздраженному выражению лица Колянныча было ясно, что именно он думает о такой езде и о хлюпике Тимофее Чернове.

Весь день Тим провалялся с дурной головой. Хозяйка, у которой он квартировал, попыталась напоить его каким-то «чудодейственным» отваром, но, памятуя о давешнем адском зелье Ассана, Тим категорически отказался от помощи. Уж лучше попить минералочку да крепкий зеленый чай.

Утро следующего дня Тим встретил бодрым и полным сил. О недавнем конфузе напоминали лишь отголоски головной боли, но в свете грядущих перемен это казалось сущим пустяком.

На сей раз он подготовился, по случаю эпохального события переоделся в элегантный льняной костюм, а в заветную калитку постучал со сдержанным достоинством. Ему открыли почти мгновенно, точно знали, что он явится именно в эту секунду.

– Роскошно выглядишь, Счастливчик, – Ассан окинул его костюм скептическим взглядом. Сам он был одет в линялые джинсы и белую майку-безрукавку, но и в этом наряде американских заключенных выглядел невероятно стильно. Даже фальшивые «Ролексы» на его запястье сверкали очень убедительно. Тим в своем костюме вдруг почувствовал себя по-идиотски. Хотя, с другой стороны, даже в джинсах и майке ему ни за что не выглядеть таким крутым парнем, как Ассан, потому что тело у Тима худое и нетренированное, а у Ассана

мышцы, как у легкоатлета. «Это все африканская конституция, – попытался утешить он себя, – местные все поджарые и мускулистые, как борзые. У них совершенно отличный от европейцев обмен веществ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.